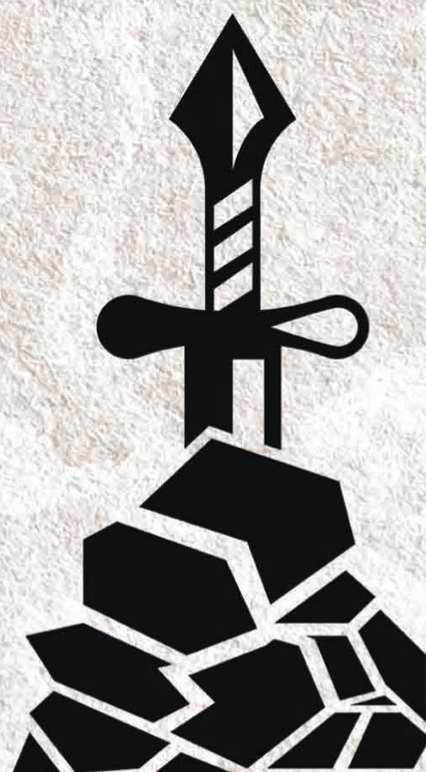

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АЛЕКСЕЙ ЛЮТЫЙ

РАБИН ГУТ

РАБИН ГУТ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Рабин Гут

Алексей Лютый

Рабин Гут

«Научная книга»

Лютый А.

Рабин Гут / А. Лютый — «Научная книга», — (Рабин Гут)

Веселое застолье в День милиции стало причиной трещины между мирами, в которую провалились кинолог Сеня Рабинович, омоновец Ваня Жомов и криминалист Андрей Попов. Еще бы! Стоило ли даже в профессиональный праздник пытаться задержать неизвестных, которые оказались ни много ни мало королем Артуром, рыцарем Ланселотом и великим магом Мерлиным. В результате стражи порядка оказались в средневековом Камелоте и теперь им нужно найти способ вернуться домой...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алексей Лютый

Рабин Гут

Часть I

Куда Макар телят не гонял

Глава 1

– Мурзик, ко мне, – услышал я знакомый голос. – Ко мне, я сказал!

Угу, бегу! Видали идиота?! Вы когда-нибудь слышали, чтобы нормальный человек называл собаку Мурзиком? Я тоже нет. Но моего хозяина нормальным считать нельзя. Он у меня Рабинович. Да еще и мент. Причем не какой-нибудь, а кинолог.

Нет, вы не подумайте, я не антисемит какой. Просто мне, как и вам, трудно представить себе человека с такой фамилией на службе в милиции. Обычно Рабиновичи кое-чем поинтереснее занимаются. Например, снег тунгусам продают.

Но Семен Абрамович у меня не такой. Ему если что в голову придет, то и арапником это желание из-под волос не вышибешь. Не знаю, может, он сейчас и раскаивается, что в пятом классе выменял у приятеля милицейскую фуражку на дырявый резиновый мяч. Однако с тех пор он ее снимает только тогда, когда ложится спать. Даже в ванную в фуражке заходит. В общем, мент он и есть мент. Хоть Рабиновичем его назови, хоть, как меня, – Мурзиком.

Мурзик! А я, между прочим, кобель (в прямом смысле слова) чистокровной немецкой овчарки. Меня не где-нибудь на свалке родили, а в самом что ни на есть специализированном питомнике. Пять лет назад. Вот с тех пор и терплю. Сначала бесился и рычал, а теперь привык. Что с него, Рабиновича, возьмешь?

Он меня и мышей ловить пытался научить. Но не на того напал, гад!!! Мурзика я еще стерплю, хотя перед друзьями до сих пор стыдно, но под кота косить не буду. Так что не вышло из моего Сени Куклачева.

Может, потому и потащил он меня с собой в милицию служить. Сначала работа мерзкая была. Таскался, как бездомная дворняга, по всяким значным местам. Вы себе не представляете! Даже кости с помойки носить пристрасился. А что? У всех вредные привычки бывают!

Теперь ничего, пообвыкся. Да и не гоняют уже нас так часто улицы патрулировать. Сейчас в городе поспокойней стало. Мы с Рабиновичем по большей части на концерты и футбол таскаемся.

Я, в отличие от него, за «Спартак» болею. Сеня, может быть, тоже за кого-нибудь болел бы, но вот беда – в футболе разбирается хуже, чем я в живописи.

– Мурзик, я тебя долго звать буду? – Это опять Рабинович. Настырный мужик мне попался!

Да иду, иду! Не успокоится никак.

Кто же тогда знал, что так оно все обернется? А потому я не предполагал никаких неприятностей.

Я лениво поднялся с коврика в персональном вольере, что мне в милиции полагался, злобно посмотрел на ехидно оскаленные морды своих соседей, Рэкса и Альбатроса (везет же кобелям на имена!), и поплелся к выходу, где маячил, как тень отца Гамлета, мой Рабинович. Два этих гада восточноевропейских (тоже мне, высшая раса!) скалиться не перестали. Поэтому пришлось на них рыкнуть.

– Фу, Мурзик! Свои, – заорал Рабинович.

Чего фу-то? Что я, человеческого языка не понимаю?

Как по пьяни душу мне изливать начинает, так нормальным языком говорит. А стоит протрезветь, так задолбает этими своими идиотскими «фу», «апорт», «фас». Слушать противно! Девушке своей так бы в любви объяснялся. Я бы посмотрел, как она бы ему стойку сделала.

Рабинович держал в руке поводок. Кроме него, ничего больше в Сениных конечностях не наблюдалось. Так, если сегодня без намордника, то дело серьезное! Пойдем по ларькам милостыню просить. И то верно. Сегодня как-никак десятое ноября! Наш профессиональный праздник: День работника милиции.

Представляете, который год уже так. Его милость с Поповым и Жомовым на праздник водку хлещут, а мне хоть бы бараньих ребрышек кинули. О мозговой кости я уж и не говорю! Травят меня, гады, то «Чаппи», то «Педигри». Самим-то до лампочки. Целыми днями химию жрут. Даже водку привыкли памперсами... Нет, тампаксами... Тьфу ты – крабовыми палочками закусывать!

Язык с этими дурацкими словечками сломаешь! Ну какие у краба могут быть палочки? Он что, барабанщик, что ли?..

На улице холод был собачий. Кто бы мог подумать, что десятого ноября такой морозище ударит – минус восемь? Мне-то что, я привыкший. Да и шерсть у меня что надо. А вон, посмотрите: боксер идет. И так морда противная. А еще от холода ее настолько перекосило, что хоть в рекламе снимай: «Что вы можете купить своей собаке на десять рублей в день?»

Рабинович скрючился, словно суслик в Гималаях, и припустил почти бегом. Дурак! На фига нужно было в кожаную куртку наряжаться? Я, конечно, понимаю, что после возлияний оне-с девок кадрить пойдут. Но ведь и меру надо знать. А то, кроме длинного носа, можно и еще кое-какие отростки отморозить!

Шли мы по улице минут десять. Сеня обычно далеко ходить не любит. Как выйдет, сразу налево поворачивает. Маршрут у него накатанный, хоть трамвай пускай: от участка и до синенького ларечка.

Мне этот ларек вместе с его хозяином (кстати, Арменом зовут) надоели хуже блох. Как ни приду, ларечник, гад, меня «Сникерсами» пичкать начинает. И ведь не откажешься. Рабинович такую бучу поднимет. Дескать, хорошего человека обижаешь!

– Мурзик, сидеть, – скомандовал мне Сеня, едва к ларьку подошли.

И так сижу. Что я, порядка не знаю?

Армен, конечно, догадывался, что мы к нему сегодня припремся. Сидел в ларьке вместо продавца и в окошко пялился. Да так пристально, как иной пес на сучку (а как еще сказать?) не посмотрит! У нас в участке один снайпер так зону обстрела глазами обшаривал. Ну его-то понять можно. Тому снайперу только дай кого-нибудь подстрелить. А Армен-то что?

– Э-ей, Сена, да-авна нэ видэлись! – заорал Армен, распахивая дверь. – Шито так рэдка заходишь?

Что врешь-то, гад? На прошлой неделе только были. Ну ладно. Не буду им мешать. Может быть, хоть сегодня про «Сникерсы» забудут.

– Служба, Армен, – вздохнул Рабинович. – Сам понимаешь...

– Панымаю, Сена. Панымаю! Тяжело вам, – зацокал языком Армен. – Захады, па-асыдым, па-агварым! Чаем тэбя напою. Ха-арощий чай.

Нашел чем мента соблазнить!.. Извините, не сдержался.

Дальше все пошло по-писаному. Мой Сеня вежливо отказывался. Дескать, какие тут могут быть разговоры? Дескать, икорки черненькой для семьи надо купить. Да еще и балычка не забыть. Омара мать, опять же, просила найти...

Угу. На дороге эти омары валяются! Сеня, ты мать-то когда в последний раз видел? Когда она горшок за тобой выливали? Извините, опять не сдержался. Сил никаких не хватит одно и

то же раз в неделю слушать. Ну, скажите мне, откуда у ларечника черная икра и омары? Он же не на траулере работает. Даже не министр путей сообщения.

Кончится все сейчас так же, как и всегда. Понятливый Армен (ментам ведь тоже кушать хочется!) положит Рабиновичу в пакет пару пачек крабовых палочек, банку тушенки и еще какой-нибудь дряни. Без водочки, конечно, не обойдется. А потом умный Рабинович меня же и заставит этот пакет тащить. Думаете, для чего он меня сюда привел? Уж, конечно, не «Сникерсы» трескать.

Я слушал их болтовню, стараясь придать морде выражение безразличного высокомерия. Знаете, такое еще у пятнистого дога бывает, когда ему жутко в туалет хочется, а в самолете ни одного приличного столба нет.

Сидел я на холодном асфальте и ни на кого не смотрел. Не дай бог, еще Армен решит, что я внутрь ларька прошусь. Тогда от шоколадки точно не отмажусь! Хорошо, хоть хвост не купированный. Подстелить есть что. А то от этих посиделок все можно отморозить и ларингит подхватить. Или кое-что и посерьезней.

Рабинович доприбеднялся! Армен подцепил его под руку и потащил внутрь ларька. Ну и скажите, господа хорошие, на кого вы после этого похожи? Увидев, что Сеня закрывает за собой дверь, оставляя меня на улице, я чуть хвостом от радости не завилял. Хорошо хоть, сидел на нем, а то совсем бы опозорился. Думаю, пронесло на этот раз. Внутри с собой не потащат. Значит, и жрать ничего не заставят. В кои-то веки?

Однако не тут-то было!

– Э-эй, Сена, пачему друга на дорогэ оставляишь? – распахнул дверь Армен. – Иды сюда, собачка!

Гад! Так бы и вцепился в седалище! И за открытую дверь, и за «собачку» тоже.

Рабинович пропустил меня внутрь и потер замерзшие руки. Придирчивым взглядом он тут же произвел естественный отбор содержимого прилавков. Но куда более привередливо высматривал то, что Армен клал в пакет.

Ларечник пытался сохранить невозмутимое выражение лица, что ему не очень хорошо удавалось. Впрочем, чего бы ему расстраиваться? «Сникерс» мне уже сунул. Бегать по улице и искать завалившегося под листву омара для мамы Рабиновича не пришлось. А остальное – «потери при транспортировке». Даже не каждый налоговый инспектор придерется!

Как я предполагал, в пакет полетел стандартный набор. Как бы сказали японцы: «песня розовых лепестков для желудка, которую только что прервал плавный полет долгожданного кирпича». Думаю, дальнейшие комментарии излишни. Даже водка оказалась чукотско-кавказского разлива. Впрочем, как раз это Рабиновича и не интересовало. Какая разница, какого она качества? Главное, что ее целых три бутылки.

Да, забыл сказать! У моего суверена со товарищи (то бишь с Поповым и Жомовым) десятого ноября – Ежегодные Всегородские Игры Вымогателей. Смысл их заключается в том, что нужно принести на праздник побольше выпивки и закуски. Причем на халяву. Проигравшему наливают на полстакана меньше. И это при каждом разливе!

Попов однажды попробовал жульничать. Моего-то Рабиновича им с Жомовым только один раз обставить удалось. А обычно Попов и проигрывает. Так вот, на свои кровные, честно заработанные рубли он купил в дешевом супермаркете литр «Русской». Все бы ничего, но продавщица, стерва, додумалась ему в пакет кассовый чек бросить. И это еще не беда! Но вот чек, мерзавец, прилип к донышку запотевшей бутылки.

Вы думаете, что Попова поблагодарили за такое самопожертвование? Ошибаетесь. Осудили, предали обструкции и из этих двух бутылок не налили ни капли. После этого бедняга Попов три дня не выходил на работу. Видеть никого не хотел! Я уж грешным делом бояться начал: не повесился ли? Табельное оружие-то у него в отделе осталось.

В долг брать добычу тоже запрещается. Жомов однажды по своей омоновской привычке у пьяного мужика поллитру экспроприировал. Не хватало ему до полного набора. А когда пьяному с земли подняться разрешил, то чуть не обалдел: оказалось, что собственного тестя ограбил!

Возвращать поллитру было жалко, и Жомов предложил тестю отдать ему эту бутылку займы. Тесть у него мужик сговорчивый. Особенно после того, как по шее получит. Бутылку-то он отдал, но вот предупредить забыл, что его за поллитрой жена послала.

Теща, в отличие от тестя, у Жомова боевая. Сам видел и близко подходить боюсь – того и гляди покусает. Так вот, она на следующий день не поленилась и в участок пришла. Такую бучу устроила из-за какой-то несчастной бутылки водки, что Жомов с перепугу ей деньги за две отдал.

Но самое плохое потом было. Когда Попов с Рабиновичем на него напали. Хотели на месяц дисквалифицировать и лишить возлияний за нарушение правил и применение к посторонним допинговых средств, но передумали. Потому что Жомов от них в тир убежал и с горя четыре грудных мишени в щепки расстрелял. Он это дело страсть как любит. Вы, наверное, думаете, что я к ментам плохо отношусь? Ошибаетесь! Хорошие они парни, только их понять нужно. Жизнь сейчас тяжелая, а вы посмотрите, в каком обществе им находиться целыми днями приходится: воры, алиментщики, бандиты, начальники отделов внутренних дел... Да разве всех перечислишь? От такого общества и апостол Павел бы испортился!

Это еще следователям хорошо. Они в патрули не ходят. А каково рядовым сотрудникам, когда на каждом шагу противная рожа обывателя, которая так и норовит на милиционера косо посмотреть. Я и то в первые дни был от тоски, словно волкодав на цепи во время спаривания. Что уж о ментах говорить?

Кстати, о ментах. Некоторые из сотрудников (есть же еще такие!) на такую кличку обижаются. Хотел бы я на них посмотреть, если бы их с детства Мурзиками звали! И вообще, везет людям. Мало им имени, так они еще друг другу и кличку придумывают. Знаете, какая у моего Сени самая безобидная? Робин. И он еще на нее злится!

А я как представлю, что меня вместо Мурзика какой-нибудь такой же нехорошей кличкой будут звать, так и скулить от удовольствия начинаю. Больше всего я мечтаю о такой: «Ужас, летящий на крыльях ночи». По телевизору однажды услышал, и с тех пор она мне спокойно жить не дает. Тем более что меня даже ментом никто звать не хочет!

Кстати, сколько ни старался подслушать, так и не понял, почему меня Сеня таким дурацким именем назвал. То ли в честь своего покойного деда, то ли это какая-то аббревиатура. Вроде НКВД...

Вышли мы от Армена с полным пакетом. В этот раз Рабинович ларечника так разжалобил, что тот ему вдвое больше нормы положил. В общем, улов получился богатый. Даже мне ларечник второй «Сникерс» сунул. Но я такой пытки выдержать не мог и, едва заметил, что оба хомо сапиенса отвернулись, задвинул его носом под стеллаж.

Глядишь, может быть, кот Армена эту дурацкую шоколадку слопает. А то он, бедняга, как меня увидел, так больше с лампы дневного света не спускался. Можно подумать, я бультерьер какой-то. Нужен этот кот мне, как Рабиновичу мулла. У меня от кошачьей шерсти аллергия. Буду я ее еще зубами хватать!

Рабинович обратно шел, торопился. Хотел меня с разгону мимо собачьего магазина протащить, но я всеми четырьмя лапами в асфальт уперся. Никуда не пойду! Пусть хоть «Чаппи» купит. А то мне опять придется за ними консервы доедать. Что я ему, жена, что ли?

Сеня попытался меня уговорить идти дальше, но я самым демонстративным образом выплюнул из пасти пакет. Сам неси, раз такой умный! Рабиновичу нести пакет не хотелось, поэтому пришлось уступить. Мы зашли в магазин, и я едва слезу от умиления не пустил, когда

Сеня мне вместо одного пакета «Чаппи» два купил. Расщедрился! Может, его почаще к Армену водить нужно?

Прямо в дверях магазина я нос к носу столкнулся с московской сторожевой. Девочка высшего уровня! Даже подпалины все на месте. Прошла мимо, словно царица Савская, а я и пасть раззявил. Только что слюни не распустил.

Думаете, она внимание обратила на мой обалделый вид? И не подумала. Какое ей сейчас до меня дело? Женщины на красивое внимание обращают только тогда, когда им это выгодно. Или нужно? А впрочем, какая разница? Тем более что меня еще и Рабинович за поводок дергает.

Не посмотрел я. Оказывается, у московской сторожевой хозяином мужчина оказался. Была бы женщина, да еще красивая, так мне Сеню самому пришлось бы из магазина тащить. Ему-то на девушек пялиться можно, а мне – возбраняется. Где она, справедливость!

– Робин, покажи, сколько надыбал! Жом только что с литром наверх прошел, – заорал из «аквариума» дежурный, едва мы вошли в участок. – А у тебя опять крабные палочки?..

– Я на тебя сейчас кобеля спущу, – обиделся Сеня. – Он тебе и покажет все, и расскажет...

Вот-вот! Как спустить на кого захочет, так кобелем называет. Не буду я ничего этому ффраеру показывать. Что я, кинопроектор, что ли? Хотя рыкнуть для острстки все же пришлось.

На дежурного мой нежный голос совершенно не подействовал. Он только заржал, будто лошадь после капли никотина. Знает, что Рабинович парень не вредный. Это Жомов ему бы рога быстро скрутил. А мой Сеня только заговорить до смерти может.

– Сеня, смотри, как бы твой Мурзик водку по дороге не вылакал вместо валерьянки! – подал вслед нам голос дежурный из «аквариума».

Вот тут я чуть с поводка и не сорвался. Это Сеня у меня миролюбивый, а меня злить нельзя. Я сразу хуже цен на продукты становлюсь. Ну, Мурзик я. Ну, пакет тащу, словно ишак аксакала. Но чтобы я хоть раз в жизни хозяйскую водку выпил... Без спроса! Загрызу гада!

Я пакет честь по чести из пасти выплюнул и обратно рванулся. Хотя и знал, что Рабинович поводок не отпустит. Если только от неожиданности.

Дежурный мгновенно в лице изменился и побледнел, словно хамелеон на Северном полюсе. Он и так никогда розовым цветом лица не отличался. А от моего рыка совсем бесцветный стал. Еле рожу его на фоне побелки разглядеть удалось.

Сеня на меня, конечно, заорал. Опять своими дурацкими словечками кидаться начал. «Фу», «место» и прочей ерундой. Не дождусь я, наверное, когда он из себя перестанет альфа-лидера строить. Тоже словечко дурацкое ученые придумали: «альфа-лидер»! Можно подумать, в алфавите омега первой буквой может быть.

Кстати, по поводу ученых. Передайте им (я думаю, они сами книги не читают), что собаки цвета различают! Если им во время дурацких опытов идиот попался, который названия цветов так и не смог выучить, то это не значит, что и остальные псы такие! Я, например, слово прочитать могу, даже если оно красным по зеленому написано. Не было еще ни разу так, чтобы мне мир в черно-белом изображении мерещился. Я вам не ламповый телевизор!

Мой босс с друзьями обычно пили на втором этаже, в отделе следственной экспертизы. Не помню, говорил я или нет, но Андрей Гаврилович Попов в этом отделе экспертом по взрывчатым и отравляющим веществам подвизается. У него даже своя комнатуха имеется. Такая большая, что иная конура по сравнению с нею Букингемским дворцом кажется.

Попов из всей компании самый образованный: техникум химической промышленности закончил. Хотя книг прочитал меньше, чем я титров на экране телевизора. В эксперты ему двоюродный дядя помог попасть. Он у Попова большой шишкой в администрации города работает. Хотя я и не представляю, зачем в администрации шишки нужны! Они там что, дятлов разводят?

Попов из всей компании самый безобидный и дружелюбный. Маленький (не больше метра семидесяти), толстенький, да еще и лысина начала появляться. Прямо на маковке, как у католического пастора. Видел ее однажды, когда он, захмелевший, под столом уснул. Чудно! Если у меня бы шерсть вылезать начала, так от лишая бы лечить замучили. А Попову ничего. Ходит себе и улыбается.

Когда мы наверх поднялись, Жомов уже в кабинете Попова сидел. Он всегда такой шустрый. И из пистолета быстрее всех стреляет, и разливать вечно торопится, и морду набить кому-нибудь первым лезет. Хотя, если подумать, то кому, как не Жомову, первым драку начинать? Это Попов маленький, да и мой Рабинович всего на десять сантиметров выше. А Жомов под два метра вымахал, словно его с детства за уши к вешалке крепили.

Я поначалу все мечтал, чтобы и у меня такой хозяин был. С ним и по улице пройти не стыдно, и с девушками знакомиться сподручнее. Любая собака сразу увидит, что хозяин хорошей породы. Однако, когда Жомова водитель начальника УВД ведро компрессии из гаража попросил принести, а этот здоровый балбес пошел просьбу выполнять, то я понял, что и Рабинович не худший вариант!

– Спорим, Сеня, я тебя сегодня обставил? – с широкой ухмылкой предложил Жомов, едва Рабинович сунул свой длинный нос в дверь.

– Я, конечно, Ваня, могу с тобой поспорить, но где гарантии, что ты мне в этот раз долг вернешь быстрее чем через три месяца? – полюбопытствовал Рабинович, заслоня меня спиной.

Хитрый у меня хозяин! Знает ведь, сколько Жомов принес, и не хочет пакет раньше времени показывать. Одно слово – еврей!

– Да брось ты ломаться, – начал уговаривать Рабиновича доблестный омоновец. – Отдал же? Отдал! Можно подумать, что ты живешь только на выигранные деньги.

– Э, нет, Ваня! – Рабинович покачал головой. – Мы с тобой поспорим. Я деньги выиграю, решу на них Мурзику ошейник отремонтировать. А ты деньги удержишь. Пока я их жду, пес может и с поводка сорваться. Беды не оберешься. Да к тому же и инфляция! Что тогда мне прикажешь делать?

Жомов от таких доводов совершенно ошалел. Нет, конечно, он понимал, что тут не все в порядке и Рабинович пытается его обмануть. Но где в словах Сени находится подвох, определить никак не мог. Я даже представил себе, как туго у него в голове шестеренки крутятся без смазки, и от смеха едва пакет из пасти не выронил. Выпей, Ваня, сразу легче думать будет!

– Да ну тебя! Вечно какую-нибудь отмазку придумываешь, только чтобы деньги не платить, – наконец сделал собственные выводы Жомов и вынул что-то из кармана (мне отсюда не видно!). – Вот, кладу полтинник. Доставай и ты столько же. И пакет свой показывай!

Сеня, словно в сильном сомнении, достал пятьдесят рублей из потертого кошелька и положил их на стол. Жомов тут же вытащил из необъятных карманов новенькой «камуфляжки» две бутылки «Московской», банку зеленого горошка, два пакета чипсов и блок сигарет.

– Ну что? Плакали твои денежки? – довольно ухмыльнулся Иван и протянул свою лапищу к деньгам.

Посмотрю я, как ты улыбаться будешь, когда Сеня у меня пакет заберет. Морду перекосит хуже, чем у металлиста от Тани Булановой!

– Подожди, Ваня, – Рабинович прихлопнул деньги ладонью. – Мурзик, ко мне!

Ну, блин, пока не выпьет, так и будет командовать!

В общем, как вы понимаете, Сенечка мой деньги спокойно прикарманил. Теперь Жомова утешить мог только Попов. И то если выпивки принесет меньше всех. Надо сказать, Ивана эксперт не разочаровал. Он, правда, тоже литр принес, но зато из закуски – только банку кильки.

– Слушайте, мужики, – жалобно проговорил Андрей, переводя взгляд с Рабиновича на Жомова. – Может, перестанем фигней заниматься? Сколько эту дурацкую игру продолжать будем? Четыре года уже с ума сходим!

– Анрюша, я не возражаю, – проговорил Рабинович, и у Попова звезды от счастья в глазах засверкали. – Можем и правила поменять. Например, приз какой-нибудь разыгрывать. Это как большинство решит.

– Сеня, хватит этого лопуха слушать! – истерично закричал Жомов. – Мы, блин, люди цивилизованные. Поэтому традиции надо соблюдать. Решили, что меньше наливаем? Значит, меньше наливаем!..

И так продолжается уже четыре года! Единственный раз только было, чтобы Попов эту песню не завел. Это тогда, когда он в супермаркете водку купил и проиграл в тот праздник мой Рабинович. И то потом Андрей страшно мучился. Помните, я вам рассказывал?!

В общем, Рабинович только развел руками, и Попову пришлось смириться. Бедный Анрюша так сильно расстроился, что от его взгляда и у коровы в вымени молоко бы скисло. Я на него укоризненно посмотрел... Сколько проблем из-за водки! Я вот не пью и не мучаюсь. Да разве объяснишь этим дуракам?! Вечно сами себе трудности придумывают. А потом их преодолевают.

Я решил, что нужно Попова выручать. Не думайте, я не альтруист! Андрей, когда несчастный, всегда быстро пьянеет. Он, как обычно, свалится под стол раньше времени, и мне придется терпеть его общество, пока Рабинович с Жомовым остатки водки не прикончат. Каморка-то маленькая. Не спрячешься никуда. А у Попова, между прочим, из подмышек плохо пахнет! Так что у меня своя корысть есть.

Жомов-торопыга, как обычно, взялся разливать. Первые три рюмки Рабинович смотрел на это сквозь пальцы, а затем бутылку у Ивана отобрал и поставил рядом с собой. Дескать, «ямщик, не гони лошадей!». Попов становился мрачнее тучи, и я решил, что время пришло!

С диким лаем (господи, чуть сам не перепугался!) я кинулся на дверь. Словно Шарикова там увидел! Рабинович, естественно, поспешил меня успокаивать. Причем заговорил нормальным языком. А Жомов с крайне недовольным видом направился проверить, что меня так разозлило.

Именно этого я и добивался! Пока оба мучителя Попова отвлеклись от разлива, Анрюша схватил бутылку и изрядно ее опорожнил. Он всегда так делает. У меня зрение не как у людей. Сектор обзора побольше! Поэтому я прекрасно видел, что Попов бутылку почти ополовинил. И сразу повеселел. Ну все. Моя миссия закончена!

– Нет там никого! – недовольно пробурчал Жомов, высунувшись за дверь. – Это твой пес, наверно, выпить хочет. Слушай, давай ему нальем!

– Нет, – пытаюсь собрать в кучу окосевшие глаза, отказался Рабинович. – Ты мне из Мурзика алкоголика не делай. Я на него потом водки не напасусь. А у меня, между прочим, зарплата не генеральская.

– Жмот, – констатировал Попов.

Я тактично промолчал.

Поскольку сели парни пить около шести вечера, то опустошили свои запасы только к девяти. Не знаю уж, что на них нашло (водка, что ли, совсем уж плохая попалась!), но только все трое решили, что им выпитого мало.

Я-то ожидал, что они после такой дозы по домам направлятся. Мой Рабинович, как обычно, зайдет к какой-нибудь из знакомых девиц и потащит ее к себе. Тогда я хоть телевизор посмотрю в свой профессиональный праздник. Но не тут-то было! Все трое твердо решили идти в кабак. Причем в форме. Какой пример подаете подрастающему поколению, господа милиционеры?!

Пока мы выбирались на улицу, сопротивления я не оказывал. Зачем? Если мы движемся в нужном направлении? Хотя, вместо того, чтобы меня вести, Рабинович на поводке болтался, словно корявая баржа на буксире. Единственный, кто на ногах сносно держался, так это Жомов. И то только потому, что при его росте хмель до головы долго добирается. Будто шутка до жирафа.

Морозец на улице покрепчал. У меня даже под хвостом защипало, а моим ментам и горя нет. Они на мороз плевать хотели! Рабинович даже куртку не застегнул. Регалии свои на всеобщее обозрение выставил. Будто есть чем гордиться! Две трети из значков он самым наглым образом выменял, поставив следственной группе бутылку красного, когда они с похмелья страдали.

Наконец святая троица свернула туда, куда мне идти не хотелось. Я попытался сопротивляться, уперевшись в землю четырьмя лапами, но на этот раз мои потуги привели только к тому, что Рабинович передал поводок Жомову.

Ваня – парень простой. Сказали ему: «веди» – и он поведет. А то, каким образом за ним пес будет передвигаться, Жомова не волнует. Хоть своим ходом, хоть ползком на брюхе. Против силы не поспоришь, вот я и счел за благо самостоятельно идти туда, куда ведут. Мелькнула у меня мысль покусать этих гадов, да жалко стало. Пьяные они. Не ведают, что творят! Хотя лично я был уверен, что для нас этот поход ничем хорошим не кончится.

До кабака мы не дошли квартала два, когда невесть откуда на дороге возникли три странных типа. Я-то видел, что они будто из воздуха появились. Даже кот, спокойно шествовавший нам навстречу, с диким криком на ближайшее дерево шарахнулся. Но мои поводыри решили, что чудесное появление им примерещилось. Спяну.

Трое незнакомцев были одеты так, словно с маскарада или из психбольницы сбежали. На бородатом старике был какой-то дурацкий балахон. Как будто он смерть перешеголять решил. Его сосед слева (кстати, тоже с бородкой, но не такой длинной) напялил на себя здоровую консервную банку и косил под рыцаря из фильма. Даже меч к поясу прицепил. Третий тоже был с мечом. Но, в отличие от второго, был одет в двухцветный черно-синий облегающий наряд. Наподобие того, что клоуны носят. И башмаки у него были дурацкие: из сыромятной кожи на деревянной подошве. По-моему, даже на одну ногу!

– Государь, – проговорил третий, обращаясь ко второму. – Вы уверены, что этот старый шарлатан перенес нас в святую Палестину?

– Молчи, бесстыжий! – заворчал на него старик. – Я, между прочим, наипервейший маг и друид среди всех живущих.

– Действительно, сэр Ланселот, – укоризненно согласился со стариком тот, кого называли государем. – Мерлин еще никогда не ошибался. Ну, если только чуть-чуть. А это не считается. Вон, смотрите, верный мой товарищ, сарацины навстречу идут.

– Прикажете схватить, сэр Артур? – любопытствовал Ланселот.

Это он по поводу наших персон поинтересовался! Все, докатились. Дальше некуда! Я, конечно, понимаю, что с людьми всякое может случиться. Но когда троих сумасшедших выпускают на улицу без охраны, это уже верх безобразия! Такое нужно срочно пресекать.

Я уже собрался выполнить свой долг перед родиной и начать задержание, когда почувствовал их запах. В нем было намешано столько, что я едва не ошалел. И аромат жаркого, и горечь дыма, и привкус плесени. Даже вонь навоза там была. Но от них не пахло людьми! То есть людьми-то пахло, но не такими. Да не могу я вам объяснить! Понюхайте сами, тогда поймете.

Запах этот почувствовал я один. У людей и так нюх хуже моего, да еще трое ментов водки прорву выпили. Им теперь хоть нашатырь под нос пихай. И то не пройдет! Даже не чихнут ни разу.

– Это они кого? Нас сранацинами назвали? – заплетающимся языком поинтересовался Жомов.

– Не-а, – покачал головой Попов. – Только Сеню. Это ведь его предки возле Палестины гнездились...

– Значит, меня? – моргая глазами, обиделся Рабинович. – Мурзик, а ну-ка разорви этих козлов!

Да что я, рехнулся совсем? Бежать отсюда надо! Я уперся всеми четырьмя лапами. Третий раз за день. Несчастливое число сегодня для меня получается: ментов трое, придурков столько же, да еще и я, как назло, три раза в позу становился. Все. Быть беде!

– Оборзел у тебя пес, – со знанием дела прокомментировал мое поведение Жомов. – Учить его надо.

– Вот и пошли научим, – Рабинович стал совсем агрессивным. – Проведем задержание, и его привлечем к участию. А то охренел народ на улицах!.. Стоять, козлы!!!

Господи, что с людьми водка делает?! Никогда бы не подумал, что мой Рабинович первым в драку полезет. Извините, но я завыл самым жутким образом, когда меня волоком потащили к странной троице. Сами хотите пропасть, так хоть поводок из рук выпустите!

Естественно, на мои претензии никто внимания не обратил. Только Жомов посетовал, что одним кулаком бить неудобно будет. А Ланселот и Артур, увидев в руках моих ментов дубинки, выхватили мечи. Даже Мерлин поднял свой корявый посох.

Все шестеро ударили одновременно. Я был уверен, что Ланселот с Артуром разрубят дубинки Рабиновича и Жомова. Если, конечно, у них мечи настоящие. Однако этого не произошло. Произошло кое-что похуже!

Едва менты скрестили дубинки с оружием незнакомцев, как улицу осветила яркая вспышка. Все вокруг поменялось и стало, словно изображение на негативе. Я попытался оборвать старый ошейник и вырваться, но было поздно. В следующую секунду после вспышки у меня помутнело в глазах, а потом изображение и вовсе пропало. Только этого не хватало! Контузию я не переживу! И я отключился, словно светофор в час пик...

Глава 2

Рабинович приходил в себя с трудом. Первое, что он почувствовал, так это какую-то странную шершавую и твердую поверхность под щекой. Затем услышал какой-то непонятный шум, происхождение которого объяснить не мог.

Рабинович попытался раздраить глаза, но одно лишь мимолетное движение век вызвало такую боль, что он решил повременить со своим желанием узреть этот мерзкий мир. Достаточно и того, что свет солнца грел правую щеку.

«Вот это мы вчера жару дали! – подумал Рабинович. Причем мысли в голове ворочались так тяжело, что их скрип почти можно было услышать. – Интересно, где это я? Точно не дома. У меня ворс на ковре не такой нежный».

Стараясь шевелиться как можно плавней, Рабинович вытянул руку, пытаясь нащупать хоть что-то. Например, ножку стола. Рука ни до чего не достала. Это было настолько невероятным, что Сене показалось, будто он устроил себе лежбище в фойе Кремлевского Дворца съездов. Рабинович пошарил вокруг себя второй рукой. Результат получился тот же!

«Ну и где это я?» – вновь попытался подумать Рабинович и, несмотря на возможные последствия в виде жуткой головной боли, открыл глаза.

Голова действительно заболела сильнее, но Сеня тут же забыл про свои негативные ощущения. От того, что предстало перед его светлыми очами, Сеня окаменел, будто жертва медузы Горгоны, и совершенно не желал выходить из ступора. Он бы непременно ущипнул себя, если бы мог пошевелить хоть пальцем. А окаменеть было от чего: Рабинович сидел посреди лесной поляны. Причем не какой-нибудь, а летней! Не веря собственным глазам, Рабинович потряс головой и наконец смог ощупать себя руками.

Тут все было в порядке. Милицейская форма, кожаная куртка, высокие ботинки. Даже кошелек с выигранным у Жомова полтинником оказался на месте. Значит, он – это действительно он. Но что тогда вокруг?

А вокруг простирался девственный летний лес. Клены, дубы и остальная растительность тянулась настолько, насколько ее мог охватить глаз. На ветках разноголосицей щебетали птицы. Пели так, словно ничего необычного не случилось. Даже солнце припекало изо всех сил. Будто имело на это хоть какое-то право!

– Ну вот. Белая горячка, – обреченно проговорил Рабинович. – А я даже зарплату не успел получить.

Сеня опустил глаза долу и увидел чужие черные шнурованные ботинки. Обрадовавшись знакомому предмету, словно ребенок новогодней елке, Рабинович решил их поднять с отвратительно-изумрудной травы. Не вышло. В ботинках был мусор. А если точнее, то Жомов Иван Данилович! Не веря тому, что и в приступе белой горячки он будет находится в обществе этого типа, Рабинович ущипнул себя за кончик носа.

Подобный приступ мазохизма ничего, кроме разочарования, не принес. Жомов никуда не делся. Как и Мурзик, который лежал у гиганта на животе. В довершение ко всему поблизости обнаружился и толстяк Попов, подставивший под яркий солнечный свет свою необъятную корму.

– Ну уж нет! В моей белой горячке я находиться никому не позволю. Тем более что за вход не оплачено, – разъярился Рабинович и принялся толкать и пинать обоих своих приятелей. – А ну, выметайтесь отсюда!

Ошарашенный Жомов очнулся быстрее всех (Мурзика можно не считать!) и сел, стряхнув с груди окаменевшего кобеля. Ничего не понимающим взглядом гигант уставился на Рабиновича и прохрипел, облизнув пересохшие губы:

– Да ухожу уже! Ухожу. Нечего кипеш поднимать. Подумаешь, дома у тебя переночевали. Конец света наступил! – И застыл с открытым ртом. – Мать твою... Рабинович, ты что это вокруг наделал?

Едва Жомов закончил необычайно длинную для себя тираду, как справа от него подскочил с земли Попов. Он заорал, как недорезанная свинья (каковой и был на самом деле, если хорошенько подумать). Затем Андрюша отчудил вообще невероятное. Он начал прыгать так, будто стоял на раскаленной сковороде. Причем смотрел все время только себе под ноги.

– Ребята, виноват! Простите!!! – замахав вдобавок к прыжкам руками, завизжал Попов. – Ну, выпил я вчера полбутылки водки, пока вы от стола отходили. Ну, морду мне набейте. Только верните меня домой. У меня рыбки в аквариуме не кормлены.

– Все. Коллективная белая горячка. Исключительно интересный для науки случай, – обреченно констатировал Рабинович, от растерянности даже не обратив внимания на признание Попова. Зато Жомов его заметил.

– Ка-азел! – истошно заорал он. – А я ведь помню, что бутылка почти полная была. И тут на тебе. Едва на доньшке. Ящик теперь поставишь!

– Заткнитесь! – не выдержал Рабинович. – Вы что, ничего вокруг не замечаете?

– А че? Лето. Проспали долго. Теперь от майора нагоняй получим, – удивленно посмотрел на Рабиновича Жомов.

– Проспали? – переспросил Сеня и сел на траву. – Ну да. Как я сразу не догадался? Напились и уснули... Другие версии есть? Ты что думаешь, Мурзик?

Пес посмотрел на своего хозяина умными глазами, но общаться с ним посчитал ниже своего достоинства. Он демонстративно подошел к ближайшему дереву и сделал на него свое собачье дело.

– Правильно, – согласился с ним Рабинович. – Спасибо, что не на меня.

Неожиданно паника прошла. Даже Попов, осторожно потрогав траву рукой, уселся рядом с Рабиновичем, словно перепуганный теленок возле дойной коровы. Жомов посмотрел на обоих, явно ожидая объяснений, но понял всю тщетность своих притязаний и снял камуфлированный бушлат.

– Мужики, а похмелиться теперь где будем брать? – испуганно встрепенувшись, спросил Жомов.

– В Караганде, – уверенно ответил ему Рабинович.

– А поближе ничего нет? – недовольно переспросил Жомов, и в ответ на эти слова истерично захохотал Попов.

Андрюше дали вдоволь насмеяться, а затем Жомов убавил громкость товарища хорошей оплеухой. Попов икнул и замолчал. На некоторое время на поляне наступила тишина. Если не считать отвратительного верещания всяких пернатых.

– Ребята, а мы где? – шмыгнув носом, решил нарушить молчание Попов.

– В Караганде, – не менее уверенно, чем на вопрос Жомова, ответил ему Рабинович.

– Врешь ты все! – подозрительно покосился на Рабиновича Ваня. – Как мы в Караганду попасть могли?

– Спецрейсом. На личном самолете президента Татаро-Якутии, – не меняя выражения лица, ответил Рабинович. – Я лично за билеты платил. С вас по сто пятьдесят рублей.

Услышав эти слова, даже Попов совершенно успокоился. Проблема местонахождения была для него решена. Теперь не нужно удивляться тому, что они в форме валяются посреди леса: от Рабиновича и не того ожидать можно! Попов уверенно полез в карман за деньгами и остановил руку на полдороге. Хотя Рабинович буквально подталкивал ее взглядом. – Трава! Трава, мать твою... – вновь истошно заорал Попов. – Трава, я вам говорю. Трава!

– Пластинку заело? – подозрительно посмотрел на него Жомов. – Ну и что, если «трава»?

– А то! – не унимался Попов. – Вчера зима была? Была! А сегодня трава, значит? Откуда в Караганде зимой трава? Откуда, я вас спрашиваю? Ты врешь, Сеня! Никаких ты денег не платил. Дождешься от тебя!

– В натуре, Сеня, – поддержал Попова Иван. – Хватит своими дурацкими шуточками заниматься. Давай колись, куда ты нас загнал?!

– Я вам одно только скажу: вы идиоты, ребята, – Рабинович удрученно посмотрел на своих спутников. – Вечно вам во всем евреи виноваты. Я не больше вас понимаю, что случилось. Спросите лучше у Мурзика. Он тут уже освоился.

Жомов с Поповым обернулись, чтобы посмотреть на пса. Мурзик действительно освоился на поляне. Он уже обегал ее по периметру, местами расставляя свои персональные метки. Столбил территорию на всякий пожарный. Теперь пес выискивал что-то в траве, словно бомж пустые бутылки.

На всех троих друзей это почему-то произвело успокаивающее действие. Трусоватый Попов, наконец, увидев, что в данный момент ему даже выговор от начальника экспертной группы не угрожает, взял себя в руки и обрел способность здраво мыслить.

Жомов и так не особо волновался. Если исключить то, что ему нечего было выпить с похмелья, то можно было считать, что он чувствует себя совершенно комфортно, поскольку основным жизненным принципом этого парня была любимая поговорка омовцев: «Не бери в голову, бери в плечи. Шире будешь!» Хотя куда уж шире?

Рабинович сорвал травинку и сунул ее в рот. Меланхолично перекатывая ее из одного уголка губ в другой, он пытался вспомнить вчерашний день и понять, что же произошло на самом деле. Куда их спьяну занесло?

– Мужики, это все те три козла устроили, – прервал мысли Рабиновича уверенный голос Попова. – Оглушили нас, накачали наркотиками и куда-то увезли. Может, в Америку?

– Ага, Андрюша! – согласился с ним Рабинович. – У ЦРУ целью всей жизни было похитить тебя из нашего вонючего городка...

– Да о чем вы говорите? – недовольно перебил Рабиновича Жомов. – По-русски можете объясняться?

После получаса обсуждений выяснилось, что гигант почти ничего из вчерашней пьянки не помнит. Видимо, хмель, проделав такое длительное путешествие от его желудка до высоко-сидящей головы, озверел. И так шандарахнул Жомова по мозгам, что у Ивана память тут же отшибло. Пришлось Попову и Рабиновичу совместными усилиями восстанавливать весь ход празднования Дня работника милиции.

Впрочем, эта утомительная процедура все равно ни к чему не привела. Вспомнить удалось кое-что. За исключением трех маленьких пунктиков. Во-первых, покрытой мраком осталась тайна того, что произошло на пути к кабаку. Во-вторых, из глубин сознания не удалось выловить ответ на то, где сейчас находятся трое друзей. И, наконец, последним пустячком был самый дурацкий вопрос: ПОЧЕМУ ЛЕТО?

– Ладно, мужики. Хватит трепаться. Есть предположение, что мы сошли с ума, – выстроил свою версию Рабинович. – Нужно только найти кого-нибудь для консультации по этому вопросу. Вот сейчас встанем и пойдем искать.

– Ага, – согласился с ним Попов. – Тем более, если мы в психушке, то далеко не уйдем. Где-нибудь на стену наткнемся.

– А это мы сейчас и проверим! – обрадованный тем, что может принести пользу, проговорил Жомов и достал из кармана табельный «ПМ». – Не-а. Мы не в психушке. Там бы оружие сразу отобрали.

– Слушай, Ваня, ты действительно с ним никогда не расстаешься? – ехидно полюбопытствовал Рабинович.

– Как и ты со своей фуражкой! – ухмыльнулся Жомов и поправил на голове кепку. – Кстати, где она у тебя?

Рабинович хлопнул себя ладонью по макушке и ойкнул. Фуражки действительно не было. От расстройства не соображая, что делает, Сеня сдернул с головы Попова его головной убор и нахлобучил на себя. Только после этого облегченно вздохнул.

– Ну это вообще беспредел! – возмутился Андрюша, но фуражку отбирать не стал. – Хрен с тобой, все равно жарко.

А солнце действительно припекало. Судя по тому, насколько высоко оно вскарабкалось на небо, было что-то около одиннадцати утра. Рабинович тут же представил себе, насколько будет жарко через пару часов, и сдернул с себя кожаную куртку. Правда, из рук ее не выпустил. Не хватало еще, чтобы куртка вместе с фуражкой потерялась!

– Ну, вы у меня еще за это ответите! – неизвестно кому пригрозил Рабинович. – Я такого посягательства на честь мундира никому не прощу.

– «Представитель закона всегда должен оставаться представителем закона. Всегда и везде. Хоть в постели у жены, хоть на аборигене острова Пасхи!» – неизвестно зачем процитировал Попов слова начальника отдела внутренних дел. Рабинович на него покосился и поднялся на ноги.

– Все, хватит прохлаждаться! – скомандовал он. – Встали и пошли. Мурзик, ко мне!..

– Куда пойдем-то, Иван Сусанин? – поинтересовался Попов. – Ты уже своим античным носом определил, где населенный пункт находится?

– Туда! – махнул рукой Рабинович, не ответив на язвительную реплику Андрея.

– Я пойду первым, – безапелляционно заявил Жомов. – У меня пистолет. Забыли?..

Лес действительно оказался каким-то чудным. Трое друзей никак не могли определить, что в нем не так, поэтому и постоянно озирались.

Никто из парней ни в ботанике, ни в зоологии особо не разбирался. Все трое вместе еще смогли бы отличить березу от сосны, но остальные породы деревьев представляли довольно смутно. Что касается трав, то тут самым просвещенным был Попов. Он в детстве иногда ездил в деревню к бабушке, поэтому представлял себе василек с ромашкой. И еще лебеду с лопухами. Еще все трое прекрасно разбирались в крапиве!

Впрочем, никому особо больших знаний и не требовалось, чтобы понять, что они явно не в средней полосе России. Дубы, клены и осины, что им попадались на пути, перемежались с деревьями абсолютно неизвестными. К тому же на лесных проплешинах часто росла какая-то странная трава с лиловыми цветами, похожими на собачьи морды. А привычной всем лебеды не было и в помине. Не было и берез.

И все же не это настораживало друзей. Не удивляло их и отсутствие каких-бы то ни было дорог. В лесу петляли только странные тропинки, на которых Мурзик иногда застывал и начинал угрожающе рычать. Наконец причину всеобщего недоумения разрешил Попов.

– Мужики, а вам не кажется странным, что во всем лесу нет ни одного кострища? – настороженно спросил он. – И пилой тут явно никто не работал. Даже имени никакого на коре не вырезано. Сюда что, люди не ходят?

– А мы тебе кто? – отмахнулся рукой Жомов. – Аллигаторы, что ли?

– Андрюха прав, – удивленно хмыкнул Рабинович, осмотрев Попова с ног до головы. – Умнеет на глазах парень. Слушай, Ваня, давай с будущего года прекратим праздничные соревнования?..

Предложение осталось без ответа. Жомову сейчас было не до обсуждения грандиозных планов. Желание срочно опохмелиться заняло весь объем его умной головушки и не хотело пускать туда другие мысли. Жомов поклялся себе, что как только доберется до ближайшего кабака или магазина, то тут же купит бутылку водки и выпьет ее один. Даже с Рабиновичем не поделится. Пусть на свои покупает.

Рабинович о выпивке и не думал. Его захватил охотничий азарт. Сеня во что бы то ни стало хотел выбраться из леса и найти тех козлов, что своровали его фуражку. Такой беспредел простить он не мог. На пятнадцать суток и за меньшие провинности сажали. А уж за свою фуражку он поизмывается над наглецами вволю.

У всей честной компании был и еще один существенный недостаток: никто из них никогда не занимался ориентированием. А все походы в лес начинались с автомобильных прогулок и заканчивались пикником в пригородных кустах.

Откуда им знать, что, согласно собственной физиологии, одна из ног человека непременно старается другую обогнать и сделать шаг побольше. В результате подобного самовольства нормальный человек (не охотник какой-нибудь!) постоянно ходит по лесу кругами, словно овца на привязи. Прямых-то линий в лесу нет! Вот и не удастся изобличить в самовольстве упрямую ногу.

Первым, кому надоело хождение по кругу, оказался Мурзик. Когда Рабинович собрался повести всех на очередной виток, пес остановился, словно в раздумье, а затем уперся всеми четырьмя лапами.

А что ему оставалось делать? Они за Рабиновичем следом еще бы сутки проходили. А кормить пса кто будет?

– Что это с твоим Мурзиком? – подозрительно глянув на пса, спросил у Рабиновича Жомов.

– Он жилье почувствовал, – внимательно посмотрев в глаза верной собаки, отозвался Сеня. – В этих делах он, конечно, лучше нас разбирается. Пусть ведет...

Мурзик уверенно направился на северо-восток. Жомов отобрал у Рабиновича поводок на правах единственного владельца пистолета и возглавил шествие. Попов, обреченно вздохнув, пошел последним. Дескать, сначала нас сумасшедший хозяин по лесу таскал, а теперь за дело взялся пес. Хрен редьки не слаще!

Пес не подвел. Примерно через полчаса довольно вольготной прогулки по негустому лесу трое друзей выбрались на дорогу. Собственно говоря, дорогой это назвать было трудно. Даже по нашим российским меркам, где, сами знаете, есть две беды. Не дорога это была, а просто пара узких тропинок посреди чащи. Жомов с видом знатока наклонился над колеями.

– Что-то я не пойму, – задумчиво проговорил он, потрогав руками дорогу. – То ли тут уже давно никто не ездит, то ли мы к какому-то конезаводу вышли. Копыта одни по всей дороге поразбросаны. И ни одной нормальной покрышки.

– Да какая хрен разница! – возмутился Попов. – Есть дорога, значит, есть и люди. А раз они где-нибудь живут, то и пожрать что-нибудь найдется. А то с утра и кильки завалящейся во рту не было!

– Все бы тебе о пузе думать, – огрызнулся Жомов. – У людей в горле пересохло, а ты о жратве базары гонишь!

И в этот момент с запада, из-за поворота, на дороге показался человек. Одет он был еще чуднее, чем те «карнавальщики» на дороге у пивной: грубая мешковатая рубаха, куце обрезанная едва ниже пупка, и такие же несуразные штаны. Обут человек был в дурацкие деревянные башмаки совершенно невообразимого фасона. А голову путника покрывала шапка, похожая на помесь тюбетейки с ночным горшком. Да и роста человек был странного – едва Попову по плечо.

Некоторое время все присутствующие на дороге застыли, настороженно глядя друг на друга. По лицу неизвестного было видно, что он удивлен внешним видом друзей ничуть не меньше, чем они его появлением. Да что там удивлен! Человек был просто напуган. А когда Мурзик с сомнением в голосе коротко гавкнул, мужик просто подскочил на месте.

– Гоблины! – заорал он во все горло. – Клянусь яйцами моего покойного петуха: гоблины! А-а-а-а!..

И припустил в обратную сторону по дороге. Да так, что пыль наверх взлетела, будто из-под колес гоночной машины. Трое друзей опешили. Первым пришел в себя Жомов.

– Это кого эта сука гоблинами назвала? – с угрозой в голосе спросил Иван. – Он что, форму не видит? Ну, сейчас я ему устрою террариум!..

– Почему террариум? – оторопело любопытствовал Попов, но было поздно: Жомов взял высокий старт и бросился вдогонку за странным мужиком.

Пожав плечами, Рабинович и Попов спокойно пошли следом. Торопиться им было некуда. Поскольку для того, чтобы заставить незадачливого мужика ответить за оскорбительные речи, одного Жомова было вполне достаточно. Даже Мурзик лишь мешался бы под ногами.

Как ни странно, но Жомов назад вернулся один. Красный, как зрачок альбиноса, и запыхавшийся, будто носорог после перехода через Альпы. Он растерянно посмотрел на свои ноги, словно обвиняя их в предательстве, и хрипло проговорил:

– Ушел, гад! В жизни не видел, чтобы колхозаны так бегали...

Попов с Рабиновичем только пожали плечами. Дескать, всякое в жизни бывает. Случается, что и рога на пустом месте растут. Не то что панк от омовца убегает! Эка невидаль.

– Ладно, потом разберемся, – махнул рукой Рабинович. – Пошли туда, куда этот мужик убежал.

– Это почему туда? – насторожился Попов. – Чем тебе противоположное направление не нравится?

– Мужик пришел оттуда? И убежал туда? – с тяжелым вздохом поинтересовался Рабинович, махнув на запад рукой. И, увидев утвердительный кивок головы своего оппонента, продолжил:

– Значит, там у них нора.

– У кого? – не понял Жомов.

– У слонов. Они же в норах живут! – заверил друга Рабинович.

Попов тоненько захихикал. За что и получил от Жомова подзатыльник. Вполне заслуженно! К чему смеяться над друзьями? Их холить и лелеять надобно. Поскольку друг – вещь хрупкая. Чуть что, в бутылку лезет. Потом никакой Хоттабыч не поможет.

Дорога петляла среди дубов и прочих представителей флоры так, словно прокладывал ее слепой геодезист. Да к тому же безнадежно пьяный. За каждым поворотом друзья надеялись увидеть хоть какие-нибудь строения. Пусть хоть бетонные стены сумасшедшего дома! Лишь бы телефон был... И столовая! Кабак, кстати, тоже не помешает.

Но новый поворот приносил следом за собой еще один. Точно такой же. И Попов с Жомовым потихоньку начали ворчать на Рабиновича. День перевалил уже за свою серединку, и путники начали заметно уставать. Все-таки прогулки по лесу – это не дежурство в ППС, где и увеселительные заведения, и «уазик» «службы доставки» всегда под боком.

К тому же сухость во рту после вчерашней попойки превратилась в нечто невообразимое. Рабинович никогда в жизни не мог себе представить, что когда-нибудь так захочет пить. Язык почему-то превысил все разумные пределы и постоянно пытался вылезти изо рта.

Рабинович посмотрел на Мурзика и позавидовал своему псу. Тот хоть водку вчера не пил, по крайней мере! А у Рабиновича и организм обезвожен, и солнце палит нещадно. В общем, ощущения, как у черепахи на берегу залива: и пить хочется, и до воды хрен знает когда доберешься!

Последние полчаса движения по кучерявой дороге показались друзьям сущим адом. И именно в тот момент, когда Попов и Жомов были уже готовы растерзать Рабиновича, лес расступился, открыв их замутненным взорам довольно обширную низменность с деревней у подошвы холма.

– Еврей – он выгоду всегда чувствует, – заплетающимся языком проговорил Попов. Но у Рабиновича не хватило сил ответить и на эту колкость, и он решил, чтоотреагирует потом как-нибудь.

До деревни с вершины взгорья, покрытого лесом, было минут десять пешего хода. Отсюда она была видна как на ладони, обрамленная неровными квадратами засеянных полей. Все трое остановились, вглядываясь в пейзаж, открывшийся их взорам.

Собственно говоря, и смотреть особо не на что было! Деревня как деревня. Одна улица, да и то – кривая. По окраинам бревенчатые покосившиеся домишки были разбросаны как попало. И лишь ближе к центру их расположение обретало нечто похожее на планировку.

От всех российских деревень, виденных друзьями раньше, эту отличало только полное отсутствие техники (хотя какая сейчас техника в селах?). Не хватало еще длинных перекошенных коровников да кирпичного дома председателя колхоза, у которого обычно светил единственный в любой деревне ночной фонарь.

Впрочем, замена председательскому дому все же была! Прямо в центре деревни возвышался небольшой холмик, увенчанный частоколом, похожим на зубы акулы, хронически страдающей кариесом. В частоколе была прореха в виде ворот, откуда и высыпали на единственную деревенскую улицу пригоршни странно одетых людей.

Хотя почему странно?! Их костюмы мало чем отличались от наряда чудного мужика, что не так давно обозвал друзей гоблинами. Разве что у некоторых поверх нелепой рубахи были натянуты кожаные бронежилеты.

– Ребята, а тутошние чуваки, похоже, делегацию для нашей встречи подготовили, – усмехнулся Рабинович. – Надеюсь, пиво у них есть.

– Что все это, по-твоему, означает, Сеня? – жалобно спросил Попов. – Где мы находимся?

– Где угодно, Андрюша, только не дома, – обреченно сдался кинолог. – Затерянный мир прямо какой-то.

– Затерянный не затерянный, но сейчас тут все потеряются, как только я с горы спущусь! – сердито рявкнул Жомов. – Еще ни одна скотина меня гоблином не называла!

– Скотина и не назовет, – успокоил друга Попов. – Она тебя скорее за своего примет.

Но Ваня его уже снова не слышал. Обуреваемый жадой мести, он стремительным шагом направился навстречу кучке народа, высыпавшей за окраину деревни. Попову и Рабиновичу ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Когда друзья подошли ближе, стало совершенно очевидно, что рост мужика, повстречавшегося им, не является здесь исключением. Самый высокий из разношерстной толпы был ниже Попова сантиметра на три. Остальные вообще могли у Жомова между ног пройти. Если пригнутся, конечно!

Оказалось, что почти вся группа встречающих тащила с собой обязательное для колхозников вооружение, которое они любят применять при битве «деревня на деревню»: колья, жердины, дубинки и еще бог весть что. У пары человек оказались даже длинные ножи странной формы и круглые блины, закрывающие пузо. Вглядевшись, Рабинович заметил в руках у одного из колхозников самый настоящий лук!

– Так, значит? Мы еще и холодное оружие носим в общественных местах! – возмутился Жомов, не сбавляя шага. – Статья не помню какая, но посадить посажу.

– Стой, тормоз! – заорал Рабинович. От неожиданности Жомов застыл как вкопанный. – Нужно разобраться. Прикрой меня в случае чего, – и сам выступил вперед.

После того как Жомов остановился, делегация встречающих тоже застыла на месте. Некоторое время доблестные, но порядком уставшие сотрудники милиции вглядывались в лица незнакомых им людей. Люди, в свою очередь, бессовестно пялились на них. Этакая гоголевская немая сцена получилась.

– Какие же это гоблины? – донесся до друзей возглас из толпы. – Говорил я тебе, что гоблины при дневном свете не ходят, Рианнон тебя разбери! Это скорее сарацины. О них мне Элберт рассказывал, когда из Каммлана вернулся. Там их несколько штук с королем Артуром ходило. Смотри, какая на них одежда чудная и богатая. Да и мечи необычные! – Говоривший махнул рукой в сторону «демократизаторов», висевших на поясах троих друзей.

– Так, блин! И эти срана.. страна... сарацинами обзываются! – снова возмутился Жомов. – Сейчас кто-то получит по хлебалу!

– Стой, – остановил его жестом Рабинович, чей длинный нос не хуже собачьего почувствовал сюрреальность происходящего. – Разобраться нужно.

– Смотри-ка, – вновь донеслось из толпы. – Эти чужеземцы и по-нашему говорить могут!

– Еще неизвестно, кто по-чьему говорит! – заорал окончательно взбесившийся Жомов, но Рабинович оборвал его.

– Скажите, люди добрые, куда мы попали? – пытаюсь казаться вежливым, проговорил Рабинович.

На некоторое время жители деревни погрузились в шок. Они старательно осматривали друг друга, пытаясь понять, где среди них добрые люди. Так и не выяснив это, встречающие списали все на плохое владение иностранцами их родным языком. Сам вопрос их тоже поставил в тупик, но найти на него ответ, пока Жомов совсем не озверел от нетерпения, они все же умудрились.

– Это местечко Гэлглед. Собственность благородного рыцаря, сэра Бедивера! – с такой рожей, будто само имя «благородного рыцаря» было общенародным достоянием, проговорил один из толпы, вышедший несколько вперед. – А я Кэй Какамври. Здешний старейшина. Кто будете вы, благородные господа?

– Допрыгались, – прошептал растрескавшимися губами Попов, который начал наконец-то хоть что-то понимать. – Год сейчас какой?

– А мы почему знаем? – заорал из толпы тот самый мужичонка, что принял ментов за гоблинов. – Мы что, считаем их, что ли?

– Заткнись! – оборвал его Кэй Какамври. – Не знаю твоего имени, благородный сэр, но на твой вопрос отвечу. Год у нас идет пятьсот семнадцатый от Рождества Христова.

Попов обреченно рухнул прямо в дорожную пыль. Хорошо, что задница у него мягкая, а то заработал бы себе пару ненужных синяков. Рабинович с несчастным видом смотрел по сторонам, словно надеясь на то, что все это чей-то дурацкий розыгрыш. И лишь одного Жомова было трудно смутить.

– Хрен с ним, с годом! – заорал он. – Но если вы мне сию секунду пива не дадите, то вас никакой сэр Буревестник не спасет!

Глава 3

Я спокойно сидел в сторонке и смотрел на все это безобразие. Бедняга Попов устроился в пыли на пятой точке и беспрестанно открывал и закрывал рот. Как кабан на грядке с топинамбуром. Он даже перекреститься пару раз попробовал. Что, впрочем, не особо у него получалось. Видимо, как я и предполагал, третий класс церковно-приходской школы ему так осилить и не удалось.

Мой Рабинович что-то сосредоточенно высчитывал в уме. То ли возраст, на который он помолодел, то ли курс рубля по отношению к местной валюте. Утверждать с полной уверенностью не берусь, поскольку вид у моего хозяина был совершенно обалделый. Я даже за его психику беспокоиться начал. Как бы не перегорело чего в его нервно-соматических соединениях.

Не устаю я этим людям поражаться! Стоит произойти какому-нибудь событию, совершенно не укладывающемуся в их представления об окружающем мире, так они, каждый по-своему, с ума сходить начинают. И ладно бы такое происходило только с похмелья, так нет! И протрезветь уже успели, и понимать все равно ничего не хотят.

А между прочим, у каждого из этих трех балбесов размер мозга почти вчетверо превышает мой. Что бы им всей головой не работать? Так нет, используют ее едва на десять процентов, а потом еще и удивляются, что иная собака умнее их оказывается. Да что там собака! Некоторые кошки куда сообразительнее своих хозяев.

Из всех троих только Жомов не слишком расстроился от полученной информации. Хотя она у него до серого вещества еще, может, и дойти не успела! Единственное, чем он выразил понимание ситуации, был идиотский вопрос:

– Так что? Значит, пива не будет?

Будет, Ваня, будет! Вот только станешь ли ты его пить?

Рабиновичу и Жомову стоило больших трудов оторвать Попова от поверхности дороги. Нет, поднять-то они его подняли, но ноги Андрюша упорно разгибать не хотел. Жомову пришлось Попова тряхнуть пару раз, чтобы у него в голове контакты на место замкнуть. Местные жители за этими манипуляциями смотрели с крайне болезненным любопытством.

– Вы на него внимания не обращайтесь, – заметив излишнее внимание, нашелся Рабинович. – Он у нас человек набожный. Для него время молитвы настало. Ну и все такое...

Жомов попытался что-то возразить, но не успел: мой Сеня как следует приложился ему по ребрам. Пока Иван раздумывал, за что это ему досталось, весь честной народ во главе с Кэем Какамври тронулся в путь. Суть вопроса Жомова по поводу пива они уловили, поэтому и направили свои копыта в сторону местного кабака.

Рабинович с Жомовым из-за Андрея забыли обо всем. И обо мне тоже! Пришлось взять поводок в зубы и идти за ними следом. На местных шавок такое поведение произвело столь ошеломляющее впечатление, что они даже забыли облаять меня для приличия.

Кстати, публика тоже еще та собралась! Большую часть из них за собак принять можно было только по звуку. А на вид – помесь медведя с кенгуру, у которой в предках еще и волчица имелась. Мерзкие на вид типы. Ничуть не лучше их хозяев. Хорошо, что было местных медведь-терьеров всего-то штук пять. А то бы я от их вони к Попову под мышку носом спрятался! «Шанель № 5» гэлгледского розлива...

Как выяснилось позже, – когда вся честная компания до местной разливочной добралась, – воспитаны здесь люди еще хуже, чем одеты. Едва я попытался переступить порог кабака, вслед за моим Рабиновичем, как на моем пути вырос мальчишка пигмейской комплекции и такой же расцветки.

– А ну пошел отсюда! – истерично заорал сопляк, замахиваясь на меня метлой. – Пошел вон!

Это он мне сказал? Не подскажите, сколько пальцев на руке у него откусить для начала?

– Цыц, малый, – рявкнул на паренька Жомов. – А то сейчас вперед ногами из забегаловки вылетишь! – И Ваня хрястнулся головой об дверную балку.

Пока Жомов виртуозно матерился, поражая местных жителей сочностью своих выражений, Рабинович все-таки вспомнил, что поводок не мне, а ему нести полагается! Вечно всю работу за него делаешь. И благодарности никакой! Сеня взял из моей пасти поводок и завел меня в кабак, предварительно при этом пригнувшись. Дверь-то явно не для их роста делалась.

– Мужики, мы вчера вроде в кабак собирались? Так вот, пришли? – ехидно поинтересовался Попов (Оживает! Слава тебе, господи!), а затем зашипел, словно испорченная тормозная колодка: – Ванечка, милый, умоляю, не выпускай свой пистолет из рук! Морду тебе набить у меня не получится, а вот до пистолета если доберусь, то пристрелю гада!

– Ты че, Поп, офонарел? – удивленно отшатнулся от него Жомов. – Я-то тебе чего плохого сделал? Это Рабинович нас задержание повел проводить...

– Ты стрелки на меня не перекидывай! Всегда тебе евреи виноваты, – быстро оборвал разговорившегося Жомова мой Сеня. – Тебя за мной ни хрена никто не тянул...

Ну, началось! Стоит чему-нибудь необычному после пьянки произойти, так они сразу отношения начинают выяснять. Крайнего ищут. Можно подумать, в треугольнике кто-то средним может быть!

В прошлый раз гуляли мои ребята прямо на ночном дежурстве. Какой повод для пьянки они тогда нашли, утверждать не берусь. То ли всероссийский день масона, то ли торжественное прибытие кометы Галлея на дачу нашего губернатора, не знаю! Но к двенадцати ночи все трое набрались изрядно.

И надо же такой беде случиться: экстренный вызов. В одной из «хрущобок» муж жену до смерти забивает. Ребята меня в охапку схватили, и в машину (я, между прочим, трезвый там один был!). По дороге адрес перепутали и ввалились в квартиру начальника отдела внутренних дел нашего района.

Дверь им, естественно, никто открывать не хотел. Даже вызов отказались подтвердить (надо же быть такими несговорчивыми!). Жомов обиделся и дверь высадил. Рабинович ему помог и всех на пол уложил. Причем хозяйка была практически в том, в чем мать ее родила! Я тогда еще стыдливо отвернулся!

Догадываетесь, чем это для троих друзей должно было закончиться?.. Правильно, очень крупными неприятностями! Спасло парней одно – хозяина дома не было. Вместо него оказался странный тип, усиленно прятавшийся в платяном шкафу (родственник, что ли, какой?).

Вот этот тип все и спас! Когда ребята поняли, к кому они вломились, то протрезвели быстрее, чем в ледяной проруби. Жена начальника отдела (кстати, была бледная как мел) о чем-то с этим типом пошептались и решили дело замять. А для поощрения наших героев поручили им дверь восстанавливать. Причем в ускоренном темпе!

Дверь они восстановили и из дома потихоньку смылись. А оказавшись в машине, начали тут же крайнего искать. Нашли! Попов, который безропотно проспал в машине всю блестящую операцию, крайним и оказался.

Дескать, Попов – самый трезвый человек во всей компании. Да к тому же и адрес он получал от дежурного. «Короче, Андрюша, мы тебя постараемся выгородить. Но если за тебя полковник возьмется, извини – помочь ничем не сможем!» – это мой Рабинович сказал. А Попов только ушами хлопал и со всем соглашался. Поскольку не помнил ничего!

Почти по такой же схеме и сегодня начали развиваться события. Вот только Попов в этот раз никого слушать не хотел. Рыбки у него некормленные! Можно подумать, что он пираний в аквариуме держит. А остальным дома больше делать нечего, кроме как поповскую живность собой подкармливать. Впрочем, как я успел заметить, мой Рабинович и не особо торопился возвращаться!

Пока три товарища довольно агрессивно выясняли отношения на предмет того, кого сегодня положат с краю и высекут батогами, я забрался под стол, чтобы спокойно изучить обстановку.

Собственно говоря, ту конструкцию, что здесь называли столом, именовать так следовало с крайней осторожностью. Прямо в земляной пол трактира были вбиты два корявых бревна. На торцах бревен, лишь ей ведомо по какому принципу, держалась столешница из грубо отесанных досок, скрепленная снизу двумя жердинами крест-накрест. Лично я представить себе не мог, почему она не падает. Но, видимо, пока господин Ньютон не успел открыть свой закон притяжения, вещи этого закона не знали и откровенно пренебрегали им!

Поглазеть на странных «сарацинов» в кабаке сбежалось почти все население Гэлгледа. Малышню, естественно, в трактир не пустили. Женщин тоже отправили по своим делам. По большей части в кабаке собрались мужчины среднего возраста (хотя разве определишь возраст у этих одинаково потрепанных бородатых обезьян?). Гостей они, видимо, все же побаивались, поэтому грудились у противоположной стены вокруг своего старобританского босса – Кэя Какамври. Сидели они молча, словно лягушки в холодильнике. Кэй народ вокруг себя не замечал, перешептываясь с хозяином трактира.

О чем, интересно? Что-то пахнет от их разговора мерзко. Словно от обмочившейся болонки!

А впрочем, пахнет, наверное, не от разговора. Мерзостный запах нечистот и продуктов гниения пропитал собой весь трактир, как ружейная смазка карманы куртки Жомова. Я поковырял носом трухлявую солому, которой был устелен пол, и едва не подскочил от ужаса: из-под соломы на меня с садистскими ухмылками на мордах скалилась целая когорта диких блох совершенно пиратского вида!

Господи! Только этого мне не хватало. Все, мамочка, я хочу домой! Я настолько подскочил от пола, что едва не стукнулся о столешницу головой. Мне так сильно захотелось забраться к Рабиновичу на колени, от блох подальше, что я едва удержал себя от этого кошачьего порыва. Сделаю так – Рабинович точно с живого не слезет, пока мышей ловить не научусь!

Я зверски зарычал, чем привел блох в смятение. Видимо, они не привыкли к такому фамильярному обращению, поэтому смылись обратно под солому. Ой, надолго ли! В любом случае, я решил больше не спускать с подстилки глаз. От греха подальше!

Чего мне паяться на эти закопченные стены, в которых и окон-то почти нет? Так, прорезаны в бревнах какие-то кривые щели, размером не больше глаз китайца, которому только что наставили парочку фонарей. На фига мне эта покореженная стойка, на которой только экстремальные тараканы бега устраивать можно? Нет уж! Мне здоровье дороже!

У кого как, а у меня битва за выживание началась. Если я в этом милом местечке блох нахватаю, то Рабинович будет опять, из экономии, мне их дихлофосом выводить. Мне, конечно, уже довелось и «черемухи» понюхать, однако в токсикомана я еще не превратился. Да и после дихлофоса ко мне ни одна приличная девочка не подойдет. Морду еще за квартал своротит на сто восемьдесят градусов. Причем и мне тоже!

Рабинович мои скачки под столом истолковал по-своему, и опять же в свою пользу. Он постучал кулаком по столу, прерывая горячие дебаты Жомова с Поповым в стиле «а-ля Жириновский». Где Попову для общей схожести сюжета только стакана с водой не хватало. Впрочем, откуда здесь стаканы?!

– Кончайте, мужики! – заголосил на всю таверну мой хозяин. – Мурзик уже от ваших криков весь издергался. Он же тоже понимает, что в непривычной обстановке оказался. Не травмируйте психику собаки. Его хоть пожалейте!...

Спа-асибо за заботу! Век твоей доброты, Сеня, не забуду. Нашел все-таки, на кого стрелки перевести.

– Извините, благородные сэры, что вмешиваюсь в ваш высокочудный разговор, – неожиданно возник возле стола хозяин трактира. – Но я услышал слово «кончать»! Мне бы не хотелось, чтобы в моем заведении, которое знают все от Уэссекса до Соммерсета, произошло бы кровопролитие. Поделитесь со мной вашей проблемой, может быть, я смогу ее распотрошить.

– Чего ты собрался сделать, лох? – взревел Жомов. – Кого ты сможешь распотрошить?

За что и получил под столом пинок от Рабиновича. Молодец, Сеня! Я бы тоже его укусил, да от наблюдения за кочующими блохами оторваться не могу. Они уже третий раз меня с фланга обойти пытаются!

– Вы ошиблись, высокочтимый сэр. Народа «лох» я не знаю. Я понимаю, что вы не совсем хорошо разбираетесь в наших обычаях, но по моему костюму видно, что я ют! – с той же услужливой улыбкой проворковал трактирщик.

– Да хоть север! – заорал Жомов, которому тычок Рабиновича был, словно слону дробина. – Почему пива до сих пор не наблюдаю?

– Сию секунду, о высокородный! – Трактирщик менять интонацию явно не собирался. Вся остальная публика с интересом наблюдала за их диалогом. – Позвольте узнать, чем вы собираетесь платить за пищу и выпивку?

– Ваня, у меня только крупные, – поторопился заговорить Рабинович, боясь, что Жомов снова сморозит что-нибудь оригинальное. Со всех точек зрения. – Боюсь, что у них сдачи не будет!

Я фыркнул и вновь развернулся вокруг оси, пресекая очередную попытку когорты блох обойти меня с тыла. Хвост, что ли, зубами прикусить, чтобы они до него не добрались?! Хотя нет. Тогда я агрессоров рыком отпугивать не смогу.

А фыркнул я от того, что прекрасно понимал нежелание Рабиновича платить за выпивку. Мой хозяин не дурак, поэтому не хуже меня знал, что при короле Артуре, в эпоху которого нас занесло непонятным ветром, бумагу еще не изобрели. Даже МВФ до сих пор еще не придумали, чтобы иметь хоть какое-то представление о том, что такое российские рубли. Хотя, может быть, именно это и к лучшему?..

– Ладно, скупердяй! – проворчал Жомов и повернулся к Попову. – Доставай мелочь. Я что, один вас поить буду?

– Какую мелочь, идиот! – зарычал на Жомова еще не успокоившийся Попов. Трактирщик, не меняя выражения лица, переводил взгляд с одного на другого. – Ты не понимаешь, что наших денег попросту еще не существует?

– Андрюша, идиот – это ты! – усмехнулся Жомов и высыпал на стол целую пригоршню монет. Я, конечно, это не видел, но по звуку определил, что рублей пять там точно есть. Спасибо Рабиновичу: его выучка. – А это что? Почем у вас пиво?

– Два динария за пинту, – проворковал трактирщик, с сомнением разглядывая нашу валюту.

– Ты мне пургу не гони, – попытался урезонить трактирщика Жомов, на котором, видимо, похмелье сказалось сильнее, чем на двух других. Он никак не хотел понимать, куда его занесло. – Ты мне в рублях цену называй. У нас в стране хождение наличной валюты запрещено!

Ой, не знаю я, до чего бы еще договорился неподражаемый Жомов, но торги под свой контроль поспешил взять Рабинович. Вот уж тут проявились все его таланты. Трактирщик не только успокоился по поводу наших монет, так еще и за три пятачка принес три кружки пива. После чего гостей на некоторое время оставили в покое.

– Дерьмо! – фыркнул Жомов, отхлебнув из глиняной корявой кружки большой глоток. – У меня тесть бражку и то лучше делает. Вернее, делал, пока с одной фляги крышку не сорвало. Надо же было, чтобы теща в этот момент мимо шла. Представляете, как ее искупало?!

Жомов захохотал. Ну а что ему теперь печалиться? Выходной незапланированный получился. Это раз. Во-вторых, выпивку достали. Хотя и хреновую, но зато почти халявную. Даже при коммунистах кружка пива пять копеек не стоила! Ну а в-третьих, за двухрублевую монету Рабинович у трактирщика половину кабана выторговал. Так что, жри от пуза и пей для души.

– Мужики, давайте думать, как отсюда сваливать, – жалобно попросил Попов. – Не нравится мне тут!

– Да не стони ты, Андрюша! – с набитым ртом оборвал его Жомов. – Отдыхай, пока дают. Дома не пожрешь, не попьешь так вволю.

Вот тут я с Ваней был абсолютно согласен. В кои-то веки меня кормили натуральным мясом! Целую заднюю ногу расщедрившийся Сеня оторвал и мне под стол бросил. Негигиенично, правда. Да и блохи кусок изо рта пытаются вырвать. Но ради свиной ноги я готов многое стерпеть! Ведь как только вернемся, опять меня Сеня своим дурацким «Чаппи» замучает.

– Нет, домой нам, конечно, нужно, – вступился за Попова Рабинович (с чего бы это?). – Только давайте спокойно поедим и опохмелимся. А там и о деле думать будем...

Поесть друзьям спокойно все же не удалось. Едва они опустошили по второй кружке местного сомнительного пойла (пьют всякую гадость, а потом удивляются, откуда у них язва берется!), как в трактир ввалился еще один представитель здешней цивилизации.

Попав в темноту после яркого света, он на несколько секунд застыл в дверях, и я его превосходно мог рассмотреть. Настолько хорошо, что сначала принял за одного из здешних кобелей. Поскольку вошедший ни лохматостью, ни запахом им не уступал! Вот только ходил на двух конечностях да размером был покрупнее.

– Ха! Сидите? Обгаженные дети горного тролля! – заорал он с порога (господи, еще одного Жомова нам только и не хватало!). – Куда вы пойманных сарацинов дели? Опять без меня потешились? Кауту решили обмануть?!

– Заткнись, грязный сакс, – зашипел на пришельца Кэй Какамври, но было поздно. Жомов уже услышал его.

– Робин, весь день думаю, чего мне не хватает! – радостно провозгласил он. – А оказывается, я еще морду никому не намылил!

– Ваня, уймись, – попробовал его урезонить Попов, но Рабинович остановил его:

– А-а, пускай идет!

Каута оказался мужик крепкий. После первого удара он только вылетел во двор, но на ногах удержался. Жомов недоуменно посмотрел на него и вышел следом. Я тоже выбрался из-под стола. Во-первых, любопытно было посмотреть, а во-вторых, надоело блох караулить. За мной следом из кабака высыпала вся честная компания.

Драчунов тут же разделили, объяснив, что сражаться они должны по правилам. Выяснение этих правил заняло довольно много времени, но цель была не в них. Местные аборигены устроили самый настоящий тотализатор! И уж поверьте мне, мой умница Рабинович оказался в самой гуще событий.

Когда вернусь назад, потребую, чтобы в список самых древних профессий внесли еще одну: букмекер! От одного вида работы Рабиновича меня вмиг ностальгия замучила. Я вспомнил, как мы с Сеней ходили на бои без правил в одном закрытом клубе, где зрители так же азартно делали ставки на двух обезьян, похожих на Жомова и Кауту.

Рабинович свое дело знал! Через пару минут его карманы уже ломились от местной валюты, сданной ему в качестве ставок. И я был более чем уверен, что по крайней мере половина из этих денег так и осядет в них навеки, словно «Титаник» на дне Атлантики.

Правила боя были просты: двум недоумкам, решившим друг друга поувечить, выдают по увесистой дубине. Делать можно что угодно, только не наносить удары по спине и ниже пояса. Бой прекращается в двух случаях. Либо когда один из дерущихся с чистой совестью

преставится, либо – с нечистой – попросит у другого пощады. Ну а что делать? Естественный отбор. Согласно Дарвину...

Жомов некоторое время покрутил в руках дубину, которой его наградили, и отбросил ее в сторону. Рефери, а им, естественно, стал Кэй Какамври, попробовал возмущаться, но его остановили. Дескать, боец вправе сам решать, умирать ему с голыми руками или с дубиной в мозолистых ладонях. Жомов тем временем отстегнул от пояса «демократизатор» и попытался заехать им в глаз саксу.

Каута увернулся и попытался ответить Ване столь же любезным выпадом. Он уже почти попал, но Жомов успел уклониться и быстрым контрвыпадом заехал кулаком по широкому саксонскому носу. Каута отлетел к стене и минуты три пытался подняться. Зрители орали так, что половина деревенских баб и все местные собаки сбежались на крик. А Жомов прыгал по двору, будто носорог на батуте, и зловеще сгибал в руках любимую милицейскую дубинку.

Все. Дальше смотреть нечего! Исход поединка мне был совершенно ясен. Как и Рабиновичу в момент сбора ставок. Да только местные олухи и могли надеяться, что их стасеми-десятисантиметровый Каута (пусть и шириной с мини-трактор) сумеет совладать с гигантом Жомовым.

Я выбрался из толпы и принялся спокойно доедать свиную ногу. Пусть на улице и в пыли, зато диверсантов вокруг не видно. Хотя кто это там пялится на меня из дверей?! Тьфу ты, параноя началась! Это не блохи. Это Попов!

Андрюша в общей суеде участия не принимал. Со спокойной совестью и обреченной меланхоличностью он дожевывал за столом в кабаке покинутого всеми кабанчика. Кружки Рабиновича и Жомова он тоже уже успел опустошить. И теперь его мало что на свете волновало.

Поединок закончился еще до того, как я успел насладиться вожаделенной костью. Естественно, Жомов вышел из него победителем и сразу подвергся перекрестному обстрелу глазами со стороны местных красавиц. Ну, еще бы! Такой видный мужчина! А мне и пококетничать не с кем...

Рабинович, заметно потяжелевший за счет балласта в виде местной валюты, прошествовал мимо меня в трактир под ручку с Кэем Какамври. Видимо, Сеня успел перед началом боя шепнуть старейшине, на кого нужно ставить. Чем и заслужил теперь особую благодарность. Рабинович настолько был счастлив полученными доходами, что даже удосужился нагнуться и потрепать меня за ухом.

Да пошел ты!.. Лучше кость еще одну из трактира вытащи! Хотя от Рабиновича этого сейчас не дождешься. Он какими-то собственными грандиозными планами занят. Видимо, просчитывает, сколько выручки получит от сдачи местных монет нумизматам, когда мы в наше время вернемся.

Вернемся! А как? Почему-то до сего момента меня этот вопрос интересовал мало. Думал, что раз сюда перенестись сумели, то и обратно дорогу найти сможем. Можно подумать, мы на трамвае сюда прикатили! Осталось только остановку в обратную сторону отыскать...

Не скажу, что мне тут так уж сильно не нравилось. Из-за одного собачьего корма обратно возвращаться не хотелось! А уж как представлю ларечника Армена с его треклятым «Сникерсом», так вообще сбежать еще подальше хочется. Например, к питекантропам.

Однако домой возвращаться было необходимо. Во-первых, тут блох, как котов на городской свалке. А во-вторых, ни одной приличной девочки на сто верст не найти. Как представлю, что мне с местными медведеподобными дамочками до конца жизни общаться придется, так хочется от ужаса самого Рабиновича покусать.

Попов, кстати, мое мнение разделял. Нет, конечно, Сеню он кусать не бросился, но был на грани этого. Я у него в глазах то же вожаделение рассмотрел, что у вампира в полнолуние бывает.

– Натешился, стяжатель доморощенный? – поинтересовался Андрей, едва Рабинович опустился за стол. – Прощайся со своими ненаглядными друзьями из каменного века и пошли домой.

– Во-первых, век уже не каменный, – спокойно ответил Сеня. – А во-вторых, куда ты так торопишься? Тебя и тут неплохо кормят. К тому же, подумай, какие мы уникальные открытия сможем сделать об эпохе, от которой ничего, кроме легенд, не осталось!

– Я тебе сейчас покажу «открытия»! Только и думаешь, как карманы себе потуже набить! – заорал Попов так, что блох из-под стола словно ветром сдуло (спасибо, Андрюша! Век тебя не забуду, спаситель ты мой). – Хрен тебе! Нам, между прочим, коммерческая деятельность по уставу не положена. «Должностное преступление» называется, если не знаешь...

Тут в дискуссию вступил Жомов, вернувшийся назад в обществе грязного сакса Кауты. Местный упрощенный вариант Жомова смотрел на Ваню с немым обожанием в глазах и был готов сделать что угодно, чтобы остаться рядом с «великим воином» и обучиться его хитрым приемам. Тоже мне, Санчо Панса нашелся!

Жомов попытался поддержать Рабиновича, но настырный Андрей им обоим такую истерику закатил, что Жомов оторопел и счел за благо дебаты прекратить. Каута посерел от такой наглости и обиделся за Ваню. Половину разговора он, естественно, не понял, но одно до его лохматой саксонской башки (сенбернар бы позавидовал!) все же дошло: на его новоиспеченного кумира наехали!

– Че этот толстый бурундук свое едовище на тебя, господин, разявил? – агрессивно поинтересовался он у Жомова. – Позволь, великий, я его научу почтительному обращению...

Андрюша и так был в состоянии войны со всем окружающим миром, а тут еще рыло гражданское что-то говорить в его адрес посмело! Недолго думая, Попов приложился «демократизатором» прямо по темечку Кауте, и тот, закатив глаза, сполз ко мне под стол. Нет, не полежишь тут спокойно! Блохи сбежали, так теперь ароматный сакс на их место приперся!

– Сдурел совсем! – Жомов жалостливо посмотрел на бездыханного сакса. – Сеня, хочешь – не хочешь, а сваливать отсюда придется, пока этот маньяк полдеревни не поуродовал. Потом от начальства никаким отчетом не отпишешься.

– Ладно, уходим! – сдался Рабинович. – Только, как вы понимаете, нам Мерлина искать придется. Это он нас сюда забросил, ему нас и вытаскивать...

– А не захочет, я его твоему Мурзику скормлю! – все еще размахивая дубинкой, дополнил Рабиновича Попов. Угу! Мало мне «Сникерсов», теперь еще и престарелых волшебников под нос совать станут. Ты, Мерлин, лучше соглашайся. Я из-за тебя несварение желудка заработать не хочу!

– Извините, высокородные сэры, – встрял в разговор Кэй Какамври. – Я слышал, что вы говорили о Великом Мерлине? Придворном маге и учителе короля Артура Пендрагона? Жаль вас разочаровывать, но в ближайшее время увидеть его не удастся. Они с Артуром и сэром Ланселотом отправились в Святую Палестину воевать Гроб Господен.

– Это зачем Мерлину гроб понадобился? Он, конечно, человек старый, но выглядит вполне здоровым, – удивился Жомов. – И потом, зачем гроб воевать? Купить, что ли, негде? У вас что, ни одной похоронной конторы в стране нет?

Кэй Какамври так и застыл с открытым ртом. Оно и понятно! Я сам в первое время после знакомства не мог уследить за всеми тонкостями жомовского интеллекта. Что уж о человеке постороннем говорить! Мой Рабинович решил от опасной темы уйти.

– Ну вот, Андрюша, видишь, что получается? – стараясь говорить ласковым голосом, обратился он к Попову. – Придется все же малость подождать. Пока Мерлин из похода вернется. А потом и домой двинемся...

– Не-ет! – Андрюша так рывкнул, что под стол к саксу свалился и старейшина деревни (ну что, мужики? Теперь можно и на троих соображать?). – Сами назад отправимся! Ну-ка, пошли во двор...

Я, как и некоторые нормальные люди, не сразу сообразил, что Попов задумал. Оказывается, его посетила гениальная идея из репертуара Вани Жомова! Видите ли, Андрюша вспомнил, что мы перенеслись в шестой век после того, как скрестили свои дубинки с мечами Артура и Ланселота. Вот он и решил самостоятельно, без присутствия вышеуказанных рыцарей, повторить сей маневр. Экспериментатор кошачий! Жаль, что никто не додумался с собой смирительную рубашку прихватить.

Попов отобрал у зевак два коротких меча, которые, похоже, были единственным оборонным арсеналом деревни. Сунул их Рабиновичу и Жомову и застыл напротив них с дубинкой в руках, усиленно пытаясь сообразить, что делать дальше: мечей-то было два против одной дубинки!

– Кого на помощь позовете, ваше магическое величество? – ехидно поинтересовался у Попова мой Рабинович.

Лучше бы он этого не делал! Ошалевший Андрюша обвел окружающих глазами, чтобы выявить добровольцев, и увидел меня. На некоторое время его взгляд скользнул мимо, и я уже было совсем успокоился. Но, видно, от судьбы не уйти. Есть, наверное, в моей карме что-то такое, что заставляет людей надо мной издеваться!

– Мурзик, ко мне! – скомандовал Попов.

Этому типу точно пить нельзя! Если Рабинович после трех рюмок начинает со мной нормальному разговаривать, то у Попова все наоборот. Свалился еще один кинолог на мою голову! Ладно, иду. Пока я ленивой походкой направлялся к Андрюше, сопровождаемый удивленными взглядами местных блохастых псин, Попов отобрал у Рабиновича дубинку.

– Сенья, это твоя собака. К тому же он единственный, кто здесь из нашего времени! Пусть Мурзик держит, а ты будешь по дубинке мечом стучать! – скомандовал он, сунув мне в пасть «демократизатор». – А то еще бросится на меня, чего доброго.

Так, только железками на меня еще и не махали! Я уперся в землю всеми четырьмя лапами, надеясь отмазаться от этого сомнительного эксперимента. Но людям мое выражение недовольства было совершенно безразлично. Рабинович на меня заорал. Я обиделся, но подчиниться пришлось: а куда от него деваться? Хозяин все-таки.

Рабинович с Жомовым переглянулись, удивленно пожали плечами и замахнулись на нас с Поповым. Андрюша изобразил на своей толстой роже максимум агрессии, на которую был способен, и последовал их примеру. Мне оставалось только зажмуриться!

То, что произошло потом, повергло в ужас всю деревню. Едва скрестились мечи с дубинками, как все вокруг озарила яркая вспышка. Не такая, как в прошлый раз, но посильнее стробоскопа. После нее Жомова с Рабиновичем отбросило от нас метра на четыре, хотя лично я никакого толчка не почувствовал. На секунду вокруг повисла гнетущая тишина, а затем все жители деревни с истошными криками бросились прятаться в кабак. Причем большая половина местного населения так и застряла на пороге. Не смогли утрамбоваться!

– Вот! Я же говорил! – радостно заорал Попов, не обращая внимания на ошалелый вид Жомова и Рабиновича. – Почти получилось. Теперь я знаю, что нужно. Нам требуются три добровольца, чтобы все было как тогда!

– Ладно, – не стал возражать Рабинович. Он поднялся с земли, пытаясь понять, что за странные свойства обрели в этом мире их резиновые дубинки. – Только этих трех добровольцев ты обратно как отправишь?

– А на фиг? – удивился Попов. – Пусть у нас бомжуют. Мы их даже гонять с рынка не будем. На крайний случай, в психушку можно будет пристроить. Хуже, чем тут, им все равно не будет.

– Это тебя в психушку пристроить пора, гуманист хренов! – буркнул Рабинович, но возражать не стал. Ему хотелось свои новые догадки проверить. – Тащи сюда этих добровольцев.

Добровольцем вызвался быть только Каута. К этому времени он пришел в себя, и саксу было все равно что делать, лишь бы не отходить от своего кумира. Остальных «добровольцев» пришлось тащить силой. Меня тоже привлекли к участию. Но теперь мне пришлось разместиться за необъятной спиной Жомова. И на том спасибо!

Во второй раз эксперимент закончился с тем же результатом. Если не считать того, что Рабиновичу с Жомовым падать никуда не пришлось, а двое из трех местных экспериментаторов (исключая, конечно, Кауту!) после падения не спрятались в кабак, а вообще из деревни сбежали!

– Ничего себе! – проговорил Жомов, удивленно рассматривая дубинку. – Я, конечно, не лох последний, но так людей валить мне еще не приходилось! Сеня, может, нас напоили чем нехорошим?..

Ответить Рабинович не успел, поскольку на единственной улице показались двое сбежавших участников эксперимента. Скорость передвижения у них ничуть не уменьшилась, только бежали они теперь в обратную сторону. То бишь к кабаку.

– Солдаты! – истошно орали они. – Стражники сэра Мордред!..

– Ну вот, только этого нам и не хватало, – тяжело вздохнул Кэй Какамври, выбираясь из трактира на свет божий. – Деньги кто-нибудь спрятать успел?

Глава 4

– И чего все шухарятся? – удивленно спросил Жомов, окидывая богатырским взором разбегающуюся местную живность.

Спрятаться попытались все. Начиная от кобелей непонятной породы, кончая лохматыми аборигенами в холщовых одеждах. На некоем подобии площади перед трактиром, кроме троих друзей и Мурзика, остались только верный сакс Каута и Кэй Какамври, которому служебное положение, видимо, не позволяло драпать прочь, подобно простым селянам. – Стражники едут, – пожав плечами, ответил за всех Рабинович, прислушиваясь к отдаленному шуму приближающегося отряда.

Грохот стоял действительно впечатляющий. Рабиновичу вспомнилось, как он, будучи еще просто маленьким Сеней, а не штатным кинологом участка внутренних дел, гостил в Одессе у тети Сони (двоюродной сестры кума маминого свата) и дяди Изи (тоже какой-то там родни, но по папиной линии).

Тетя Соня с дядей Изей, согласно обычаям цивилизованного общества, во время частых ссор кидали на пол тарелки. А поскольку нормальная посуда от этого билась, то в целях экономии тетя Соня приобрела алюминиевые плошки, которые и доставали из сундука во время семейных разборок.

Так вот, грохот от бросаемых на пол металлических тарелок (которые дядя Изя после «разговора» старательно выправлял молотком) в сочетании с проезжающей в это время по двору их дома тележкой старьевщика казался песней ангелов по сравнению с тем шумом, что доносился с окраины деревни!

– И что стражники? – непонимающе поинтересовался Жомов. – Что они за подсолнухи с бугра?

– Стражники – это наподобие ментов, – пояснил Попов. – Мужики, может, свалим отсюда?

Мурзик подозрительно разумно твякнул, словно соглашаясь с мнением Андрюши. Рабинович покосился на собаку, безмолвно обвиняя в предательстве, и остался стоять. Мурзик в ответ на испепеляющий взгляд опустил морду к земле и спрятался за Жомова, словно желая сказать: «Я не ополченец, чтобы без оружия – и на передовую!»

– Коллеги, значит, – понимающе кивнул головой Жомов. – Ну пусть едут. У нас документы в порядке.

Попов посмотрел на него, как на сумасшедшего, но комментировать слова Ивана не стал. Он только поспешил последовать примеру Мурзика, оставив на линии огня Жомова с Рабиновичем и бледного, но решительного Кауту. Последний, видимо, приняв удар дубинкой по лбу как благословение, самолично зачислил себя в оруженосцы странных чужеземцев.

Долго ждать не пришлось. Через минуту после боевого перестроения к кабаку вылетела вереница всадников общим количеством в двадцать голов, считая и лошадиные. Увидев неподвижных людей странного обличья, все головы поочередно остановились, давая себя рассмотреть во всей красе. Собственно говоря, некоторые музейные экспонаты выглядят приличнее!

Всадники были облачены в длинные кольчуги, если и сверкающие на солнце, то только там, где им удавалось потереться об седло. Штаны у всех стражников были одного типа: холщовые, с кожаными вставками в седалище, на манер ковбойских. Головы древних прототипов доблестной милиции венчали кожаные колпаки, обвитые по вертикальным швам металлическими обручами. Про башмаки и говорить не стоит! Обувь приснопамятного Ланселота по сравнению с ними была шедевром сапожного мастерства.

Исключением из всей кавалькады был лишь предводитель. Он был целиком затянут в кожу, словно металлист на бракосочетании. А вместо кольчуги предводитель нацепил на себя железный нагрудник, выполненный строго в соответствии со стандартами бодибилдинга.

– Ого-го! Вонючий сакс в компании с тремя ярмарочными клоунами, – заорал предводитель под дебильный хохот своих подчиненных. – Какамври, ты собрался откупиться от нас шутовским представлением? Или хочешь подарить нам новых рабов? Вон за того длинного, пожалуй, и удастся пару монет на торгах выручить!

Жомов удивленно посмотрел по сторонам, не в силах понять, что издеваются над ним. Какамври побледнел, но промолчал. Промолчал и сакс Каута, быстро усвоивший после урока Попова смысл народной мудрости: «Наперед батьки в пекло не лезь!»

– Невежливо здесь гостей встречают, – загадочным голосом проговорил Рабинович, поигрывая своей дубинкой.

– Это что, они на меня наехали, что ли? – наконец сообразил Жомов. – Вы что, козлы, опухли напрочь?!

Ваня попытался рвануться вперед, но Рабинович придержал его. Похоже, местный колорит пришелся ему по душе, поскольку Сеня попытался продолжить диалог высокопарным словом, бессовестно сворованным с какого-то дешевого исторического фильма. Если не с нескольких!

– Знаете ли вы, смерды безродные, с кем говорите вы столь непочтительно? – высоко подняв голову, произнес Рабинович. – Преклоните колена свои. А то я или сей доблестный рыцарь заставит ваши поганые глотки умолкнуть до второго пришествия!

От такой наглости стражники сэра Мордредра оторопели. Попов, гадливо хихикая, наблюдал, как у них глаза выбираются из орбит, отражая отчаянно-безнадежную умственную деятельность. Первым в себя пришел предводитель. Что, собственно, и полагалось ему по штату.

– Диран, Грифт! – заорал он. – Ну-ка, покажите этому вонючему чужестранцу, как подobaет разговаривать с бриттами на их земле!

Двое всадников спешили и, обнажив мечи, направились к Рабиновичу. Неугомонный Жомов попытался выскочить у того из-за спины, но Сеня удержал его. Едва услышав о приближении стражников, Рабинович мгновенно сообразил, как с выгодой для себя можно использовать общую панику. И пальму первенства отдавать никому не собирался!

Шагнув вперед с видом пехотинца, бросающегося под танк, Рабинович взмахнул дубинкой. Увидев столь необычное орудие убийства в руках у чудаковатого чужеземца, первый из атакующих едва не согнулся вдвое от хохота. Что, собственно, его и спасло: удар дубинкой получил второй!

Нужно ли говорить, что стражник отлетел от Рабиновича, словно теннисный шарик от ракетки Андрэ Агасси, и приземлился под копыта коня своего предводителя. Лошадь, не ожидавшая от солдата столь замысловатого способа перемещения, шарахнулась в сторону и выбросила своего седока из седла.

Пока ошалевший предводитель приходил в себя от такого беспредела, Рабинович огрел дубинкой второго стражника, подавившегося собственным смехом. Оказалось, что соприкосновение дубинки с кольчугой производит эффект ничуть не меньший, чем при ударе об меч. Так и не успев разогнуться, стражник отлетел под ноги к Кауте. Сакс, дорвавшись наконец до дармового, начал мутузить одуревшего бритта своими немалыми кулачищами, приговаривая:

– Вот тебе за грязного сакса! Вот тебе за поражение на горе Бадон! А это тебе за победу «Манчестера» над «Арсеналом»!.. – хотя последнего, может, и не было.

Оторопевшие стражники, ставшие вмиг похожими на игроков в поло, оказавшихся на поле против мотобольной команды, застыли живописной скульптурной группой. Их предводитель, что-то рыча из-под съехавшего на подбородок шлема, попытался подняться. Попытку

выбраться из партера пресек Рабинович, приложившийся верной дубинкой к металлическому нагруднику вожака.

От такого безжалостного обращения парень сантиметра на четыре вдавился в утоптанную землю, забыв о том, что собирался сказать. Рабинович со скромным видом Давида, победившего Голиафа, убрал в сторону дубинку и наклонился к предводителю стражников. Бедный бритт от созерцания длинноносой физиономии несокрушимого Сени едва не закопался в грунт еще глубже. На этот раз без помощи «демократизатора».

– Запомни, нечестивый смерд, и передай своему хозяину, – с грацией короля танзанских аборигенов произнес Рабинович. – Если здесь еще раз появятся его прихвостни, то я лично надеру ему задницу!

– Как твое имя, благородный рыцарь? – прохрипел перепуганный предводитель стражников.

– Рабинович, – скромно потупив взор, представился Сенья. – Остальное неважно!

– Ранби... Расби... Рабинс... – попытался выговорить предводитель и наконец сдался: – Счастлив был получить от вас урок, сэр Робин!

Рабинович застыл, пытаясь переварить услышанное. Он даже замахнулся на предводителя дубинкой, желая наказать за извращение собственной фамилии, но удержался от удара. Потому как после этой манипуляции парня пришлось бы целиком выкапывать из-под земли. А за спиной у Рабиновича гадливо захихикал Попов.

– Ну, Сенья, – сквозь смех проговорил Андрияша. – Вот тебя твои любимые аборигены и окрестили! Да как этот чувак в точку-то попал...

Рабинович резко обернулся. Он хотел запустить в Попова дубинкой, но передумал. В конце концов, пусть уж лучше Робинзеном зовут, только фамилию так безобразно не коверкают! Обреченно махнув рукой, Сенья пошел назад, прямо к застывшему в немом изумлении Кэю Какамври.

– Мне неловко напоминать, – проговорил Рабинович, обращаясь к старейшине. – Но после такой трудной победы рыцарям не мешает напиться. А то так жрать хочется, что даже спать негде!

– Конечно, конечно! – залепетал Кэй Какамври. – Благодарные жители Гэлгледа найдут чем отблагодарить своих защитников. Мы умеем отдавать долги!..

Старейшина сделал жест рукой, приглашая троих друзей проследовать для получения обещанной награды. И звал он не в кабак, а в свою резиденцию за корявым частоколом. Гордый Рабинович, хихикающий Попов, пожимающий плечами Жомов и Каута, все еще размахивающий кулаками, прошли в указанном направлении, не обращая больше внимания на улепетывающих стражников сэра Мордредра. Мурзик шел последним, вновь неся забытый Жомовым поводок в оскаленной пасти и от души надеясь, что хоть у старейшины дома блох не окажется!

Пьяный дебош продолжался в доме Какамври до поздней ночи. Поначалу все выглядело благопристойно. Почти по-европейски. Если не считать того, что по комнатам гулял сквозняк вперемешку с мошкаррой, а дым от кухонного очага пробирался прямо в пиршественный зал, вызывая на глазах у Рабиновича слезы умиления.

Расчет хитрого кинолога оправдался на все сто процентов. После открытия чудесных свойств обычной милицейской дубинки Сенья не побоялся вступить в сражение с закованными в ржавое железо стражниками Мордредра и теперь почти в одиночку пожинал плоды воинской славы.

О странных изменениях, происшедших с «демократизаторами», Рабинович предпочитал пока научные дебаты не заводить. Да на обсуждение проблемы никто и не набивался. Попов считал все это последствиями магии Мерлина, в которую еще вчера не верил, а Жомову было на все наплевать. Главное, что местного, пусть и плохого вина подливали в его глиняную

кружку непрестанно. Даже Мурзик, получив вожаденную мозговую кость, забрался подальше от людей (местных сучек и блох!) и не подавал признаков жизни.

«Великих рыцарей из земли Сарацинской» – на сарацинов уже никто не обижался – одарили на славу. Жомову досталась аппетитно вонявшая протухшим мясом шкура огромного волка. Целиком, с когтями и головой. Ваня, подержав шкуру в руках, брезгливо сунул ее Рабиновичу. Тот с поклоном принял. Дескать, в хозяйстве все сгодится! Тем более, когда вернемся...

Попову, видимо, помня слова Рабиновича о набожности странного толстяка, старейшина лично подарил почти килограммовый серебряный крест, которым толком не умел пользоваться. Крест по углам был помят, от чего создавалось впечатление, что прежний владелец распугивал им нечисть, швыряя в тот угол, где она ему мерещилась.

От такого подарка у Рабиновича едва не случился сердечный спазм. Он так и не смог отдышаться, терзаемый лютой завистью, пока не получил собственные награды: маленькую золотую чашку (от хозяина трактира), заполненную монетами до краев (от благодарного населения), доспехи, мало отличающиеся от наряда предводителя стражников, и соответствующий им меч (от старейшины, с трепетом) и, наконец, вышитую петухами рубаху (от дочки Какамври, с обожанием). Последнюю (не рубаху, а дочку!) Сеня тут же усадил подле себя и не отпустил до... Ну, неважно, до какого момента!

Меч и доспехи на Рабиновича впечатления не произвели. Отчасти из-за своего неприглядного состояния, отчасти – от избыточного веса. Зато Жомов не мог оторвать от них глаз и тридцать раз покаялся, что отдал Рабиновичу шкуру задаром. Впрочем, к концу вечера Жомов вожаденные доспехи все же получил, пообещав за них Рабиновичу свою месячную зарплату и новенький видеоманитофон со всеми кассетами.

Успокоивши свою душеньку таким образом, Ваня целиком переключил внимание на местное вино и двух красоток, калибром метр пятьдесят. Девушки успели к началу пира помыться и пахли теперь вполне прилично. А если учесть их одежду, чем-то отдаленно напоминавшую римские тоги или греческие туники, к тому же имевшую странное свойство то и дело задирается в не совсем традиционных местах, то становилось понятно, почему Жомов больше ничего замечать не хотел.

Попов, к которому после второй перемены блюд вернулось хорошее расположение духа, оторвав перемазанную жиром физиономию от жареной куропатки, ехидно прокомментировал:

– Ваня, а я знаю, зачем тебе сразу две девушки. – И, поймав вопросительный взгляд Жомова, который все же сумел отреагировать на свое имя, закончил: – Ты их одну на другую будешь ставить, когда целоваться захочешь!

Может быть, Жомов как-то и ответил на такую непочтительную реплику товарища, но Попов его все равно не услышал. Сразу после Андриюшиных слов в зале раздался такой взрыв хохота, что с потолочной балки прямо в тарелку старейшины свалилось какое-то замшелое чучело чисто английской птицы. Это происшествие, в свою очередь, вызвало новый приступ истеричного смеха, что позволило довольному Попову спокойно продолжить трапезу.

Надо ли говорить, что нетренированные саксо-юто-бриттские выпивохи начали падать под стол пачками гораздо раньше троих доблестных российских милиционеров. Где-то к полуночи кое-какую боеготовность сохраняли только Жомов с Рабиновичем и три девицы, их развлекающие.

Попов изредка подавал признаки жизни, но самостоятельно передвигаться мог с большим трудом. То ли от обжорства, то ли с перепоем. Растолкав хозяина дома, умиленно храпящего прямо за столом в обнимку с чучелом птицы, Рабинович поинтересовался, куда транспортировать «святого человека». Какамври что-то промычал и неопределенно махнул рукой в глубину дома.

– Понятно! – согласился с ним Сеня и пошел с тем же вопросом к трем девицам.

Те чувствовали себя едва лучше Попова и посоветовали Рабиновичу найти для друга какую-нибудь комнату. Электричества, сами понимаете, тогда еще не придумали, а взять с собой смердящий факел Сеня не решился. Поэтому нашел на ощупь покосившуюся дверь, за которой в потемках разглядел что-то похожее на кровать.

Оторвав Жомова от двух красоток, начавших проявлять излишнее рвение, Рабинович заставил Ваню отконвоировать Попова в чулан-спальню. И только после этого позволил дочке старейшины увести себя на нормальную кровать. Жомов попытался последовать его примеру, но третьего спального места в доме не нашлось. Вот и пришлось Ване довольствоваться кучей сена в каком-то сарае во дворе.

Похмелье – оно всегда и везде одинаковое. Хоть в каком-нибудь Задрыпинске в веке двадцатом, хоть в Гэлгледе в начале шестого. Века, естественно, а не утра. Поскольку, когда пьешь до полуночи, то в начале шестого проснуться невозможно ни одному нормальному человеку. Вот и Попов раздраил заплывшие очи только в начале восьмого, и то не по собственной инициативе!

В постели рядом с Андрюшей кто-то усиленно шевелился. Даже не пытаюсь понять, кто это, Попов пошарил рукой в поисках тумбочки, на которую заботливая мама ставила с ночи литровую кружку огуречного рассола (воды в худшем случае!). Почему-то не найдя ни кружки, ни самой прикроватной тумбочки, Андрей снова почувствовал рядом с собой призывное шевеление и ужаснулся:

«Матерь божья! Опять девицу с собой вчера привел. Теперь маман с меня с живого не слезет со своими проповедями!»

Попов подскочил на кровати и попытался нашарить трясущимися руками что-нибудь из предметов личного туалета. Вместо этого наткнулся на что-то мягкое, колыхающееся и горячее. Испуганно отдернув руку, Андрюша обернулся, увидел скалящуюся в беззубой улыбке отвратительно-морщинистую физиономию старой жабы и застыл.

– Ми-илый! Это было великолепно! – еще сильнее ощерилась физиономия и вытянула трубочкой губы для поцелуя.

Вместо того, чтобы как подобает ответить на этот томный призыв, Попов истошно заорал и выскочил из постели, едва не сломав у кровати ножки. Дамочка тоже заорала и начала оглядываться по сторонам в поисках неведомого монстра, который так сильно напугал горячего «сарацинского» парня. Но обнаружить его она так и не смогла.

Те, кто сумел в этот ранний час вытащить головы из тарелки со свекольным салатом, насладились великолепным зрелищем – спринтерским бегом Попова по пересеченной местности. Если к тому же учесть, что бежал Андрюша абсолютно голый, сжимая в одной руке серебряный крест, а в другой – полный комплект милицейской униформы, то стоит ли удивляться, что он очень быстро обзавелся эскортом перепуганных с похмелья аборигенов! Процессию замыкал Мурзик, заливающийся задорным лаем. Пес не смог удержаться, хотя знал, что над убогими смеяться грешно!

Попов пронесся через двор и заскочил в сарай, резко захлопнув за собой дверь с перепугу. Те, кто бежал следом за «святым человеком», с разбегу вlepились в замурованное отверстие и посыпались друг на друга, как горох из дырявого пакета.

Решив, что очаровательная красотка с беззубой улыбкой каким-то странным образом клонировалась и теперь в количестве нескольких экземпляров ломится в закрытую дверь, Попов с оглушительным воплем бросился дальше, в глубь сарая.

Пытаясь укрыться от ужасных преследовательниц за кучей сена, Андрюша с разгону начал штурмовать стог и почти на вершине наткнулся еще на парочку голых низкорослых существ. У которых на двоих было три головы. Причем третья, явно мужская, попросту валялась на куче сена.

Этого истерзанное сердце Попова вынести уже не могло! Еще раз завопив, Андрияша что есть силы замахнулся на мерзкую мужскую голову самым тяжелым, что оказалось в руках. Естественно, это был серебряный крест! И кто знает, не прибавилось бы на нем еще вмятин, если бы крепкая здоровущая рука не перехватила удар Попова.

– Ты че, совсем ошалел с перепою? – проговорила голова голосом Жомова. – На людей хрен знает с чего бросаешься! Я у тебя что, невесту отбил? Ну, извини...

Тут бедный Андрияша так и сел там, где стоял. В одну секунду в его не совсем еще прояснившейся голове промелькнули события последних двух дней. Попов передернулся от ужаса. Спасти его от инфаркта смогла только мысль о том, что строгая маман так и не узнает, кого он к себе в постель затащил... Затащил?!

– Так, козел! Это ты меня в кровать к старой карге подсунул? – угрожающе прошипел Попов, нависая над Жомовым, который так и не собирался вставать.

– Спать тебя я относил. Но о своей карге иди у Рабиновича спрашивай! – перевел стрелки Иван, а его девицы в это время тоненько захихикали, стреляя глазами Попову пониже пояса. – Ты бы оделся, что ли, в натуре! Смотреть на тебя страшно...

Что-то бормоча себе под нос, Андрияша сполз с кучи сена и принялся облачаться в свои «сарацинские» доспехи. В это время новоиспеченные прихожане «святого человека» наконец справились с непокорной дверью сарая и всей толпой ввалились внутрь, перепугав тех овец, коров и лошадей, которых истошный крик Попова не заставил отбросить копыта.

Жомов на такую большую толпу болельщиков не рассчитывал, поэтому пришел в ярость. Он рывкнул так, что у курей облетела половина оперения, а перепуганных аборигенов вынесло обратно во двор.

Они так и остались подле дверей, не сумев решить, куда им, неприкаянным, податься. То ли в дом, откуда в ужасе убежал «святой человек», то ли в сарай, где так страшно кричит «большой сарацин». Откуда им, беднягам, знать, что сбежал Попов всего-навсего от гостеприимной хозяйки дома старейшины Гэлгледа!

Суматоха, поднятая Поповым, поставила на уши почти весь дом, за исключением трупов. А таковым оказалось только чучело птицы, так и брошенное на произвол судьбы Кэем Какамври. С перепою старейшина решил, что началась Вторая Троянская война, и заметался по дому в поисках достойного его статусу вооружения.

Взбодораженный народ успокоился примерно через час, когда с кухни пригласили всех к завтраку, плавно перешедшему в обед. Трех друзей по-прежнему продолжали чествовать, хотя подарков в этот раз никто не дарил. Впрочем, сей прискорбный факт расстраивал только Рабиновича.

Поначалу Сеня, как и двое его коллег, испугался, оказавшись в шестом веке от Рождества Христова. Перспектива поменять удобства цивилизованного мира на пусть и экологически чистое, но все-таки убогое прошлое его не прельщала. Но тщательно взвесив все «за» и «против», Рабинович решил, что все не так уж и плохо.

Сеня ничуть не сомневался, что раз существует путь из будущего в прошлое, то возможна и обратная дорога. Он был уверен, что удастся найти способ вернуться назад. Однако торопиться с поисками Рабинович не собирался.

Способы воспользоваться знаниями будущего для обогащения в прошлом еще только смутно начали зарождаться в его светлой головушке, но Сеня уже твердо решил не возвращаться назад с пустыми руками! Было бы глупо терять возможность вполне легальным способом заработать капиталец на антиквариате, реализовать который при возвращении труда не составит. Зарплата ведь у ментов маленькая. Почти на пороге уровня бедности. А тут еще и пса содержать нужно!

Когда Попов из-за своей извечной настырности случайно открыл чудесные свойства милицейских дубинок, уверенность Сени в своей правоте стократ окрепла. Нужно действи-

тельно выжать максимум из этого примитивного мира прежде, чем возвращаться домой. Вот за обедом он и принялся излагать свои доводы уже захмелевшим друзьям.

– Андрюша, я тебя понимаю! У тебя дома мама и рыбки, – ласково уговаривал Сеня Попова, хлопая его по плечу. – Но сейчас мы не можем вернуться. Сам видел, к чему привели твои эксперименты...

– Ни хрена! – пытался возразить Андрюша. – Химик я, а не ты. Мне лучше знать. В этой формуле просто не хватает компонентов...

– Да не компонентов не хватает! – фырчал Рабинович. – Просто дубинки – это единственные совершенно инородные тела в этом времени. Материал, из которого они изготовлены, просто еще не придумали. Поэтому и получается нечто вроде эффекта аннигиляции, когда они соприкасаются с железом.

– Почему же со лбом Кауты аннигиляции не получилось? – ехидно спросил Попов.

Верный сакс, услышав свое имя, попытался оторвать от стола вновь отяжелевшую от хмеля лохматую башку. Это у него не получилось, и Каута уронил ее обратно, успев по дороге отхватить зубами кусок от жаркого.

– Тут дело скорее всего в свойствах проводников, – вновь попытался убедить Попова Рабинович. – Железо энергию проводит, а голова Кауты – нет! Элементарные вещи. Поэтому с твоим экспериментом ничего не выйдет...

– А почему у этого дурацкого Мерлина вышло?! – едва не подпрыгнул на стуле Попов.

– Вот найдем его и спросим, – оборвал дискуссию Рабинович. – А сейчас и говорить нечего!

– Бросьте вы языками телепать! – отрываясь от кружки с вином, взмолился Жомов. – Пейте, жрите. И другим не мешайте. А то у меня от ваших разговоров уже уши пухнут.

Рабинович отмахнулся от него рукой и вновь повернулся к Андрюше. Попов сидел за столом, насупившись, словно осьминог в консервной банке. Он никак не хотел расставаться со своей идеей немедленного возвращения в нормальное время. Даже тушеный кролик не прибавлял ему настроения. А когда Попову на глаза попалась счастливо улыбающаяся хозяйка фазенды, так Андрюша и вовсе взбеленился.

– Ну так чего сидим?! – заорал он на всю пиршественную залу с такой силой, что половина трапезничавших попросту вскочила с длинных скамеек. – Собирай свои манатки и пошли этого хренова колдуна искать.

Жомов поперхнулся вином и удивленно посмотрел на непоседливого друга. Ивану меньше всех троих хотелось куда-то идти. И в свое время вернуться он тоже не торопился. А зачем? Он парень детдомовский. В родном городе у него никого нет, кроме комнаты в милицейском общежитии, цветного телевизора и видеомагнитофона. Последний он, впрочем, уже подарил Рабиновичу.

Вкусно есть и вволю пить и здесь можно. Причем работать для этого нет необходимости. Бей только изредка кому-нибудь морду, и все! А это можно и без чуткого руководства начальника участка внутренних дел совершать, да еще и в удобное для себя время!

Жомов хотел изложить свои доводы товарищам, но в процессе обдумывания вновь поперхнулся вином. К тому же, пока Ваня размышлял, диалог ушел несколько вперед от его умных мыслей. Догонять его у Жомова не было никакого желания. Тем более что под руками вертелись две ненасытные малютки!

– Сейчас я тебе так пойду, что ты по дороге заблудишься и пропадешь, – на всякий случай решил все же вставить реплику Жомов и, подумав, добавил: – Навсегда!

Попов с Рабиновичем не обратили на такое заявление никакого внимания. Поскольку Сеня уже сумел убедить тучного эксперта в том, что пешком искать Мерлина несподручно. К тому же и питаться в дороге придется впроголодь.

Вот и получалось, что, пока они не обзаведутся достаточным количеством местной валюты и гужевым транспортом, двигаться в дорогу не имело смысла. Скрепя сердце Попов вынужден был согласиться. Причем неизвестно, какой из доводов оказался для него убедительней!

Положившись целиком на своего пронырливого друга, Андрюша продолжил трапезу, исправно нагружаясь при этом третьесортным пивом. Это только у профессора Преображенского третьего сорта не бывает! Просто он местного пойла не пил.

В самый разгар полуденного пиршества вновь случилось неожиданное. В открытые ворота усадьбы Кэя Какамври ввалилась, истошно вопя и перебивая друг друга, целая ватага аборигенских деток. Жомову с трудом удалось их уговорить и расставить по ранжиру. Лишь после этого они объяснили, что случилось.

– Стражники сэра Бедивера едут! – доложил Жомову тот из пацанов, что оказался выше других ростом. Хотя разбирательства по поводу пальмы первенства продолжались так долго, что всадники уже появились на единственной улочке Гэлгледа!

– Опять стражники?! – заревел Жомов. – Всех убью, один останусь!

– Спокойно, это свои, – заплетающимся языком пролепетал старейшина и попытался угадать причину их появления. – Налоги мы уже платили. А если они все равно едут, то либо на войну, либо за выпивкой. Вино у нас почти кончилось, значит, они едут воевать... Но войны сейчас нет! Получается, что прибыли они за налогами. Опять же, налоги мы платили. Значит, это я их вчера сам позвал, когда к нам сарацины прибыли. А раз сарацины – это вы, то и едут они за вами...

– Настучал, значит, падла?! – угрожающе полюбопытствовал Жомов, перебивая бесконечное словесное недержание старейшины. – Убью!..

– Утухни, киллер, – остановил его Рабинович. – Посмотрим сначала, с чем к нам гости пожаловали, – тоном хозяина добавил он.

Двадцать всадников во главе с настоящим рыцарем, запечатанным в железо, словно куклуксклановец в парадный балахон, не торопясь приблизились к открытым в частокле воротам. Девятнадцать спешили сразу. А предводитель дождался, пока его снимут с коня, и только после этого направился во двор дома Какамври, громяхая при этом так, что в ушах звенело!

Старейшина выскочил вперед всех и, опустившись на одно колено, встретил подошедшего рыцаря. Тот с грацией медведя, закованного в кандалы, тяжело коснулся бронированной перчаткой его плеча, а затем позволил подбежавшему солдату содрать с собственной головы дырявое ведро, заменявшее ему каску.

Придирчиво оглядев присутствующих, рыцарь удовлетворенно кивнул головой и вынул из ножен длинный меч, исписанный какими-то каракулями. Шагнув по направлению к троим друзьям, рыцарь протянул меч рукояткой вперед и проговорил, шепелявя из-за выбитых в былых сражениях зубов:

– Я, достойнейший рыцарь Грифлет, вассал сэра Бедивера, от его имени и с его слов приглашаю достойнейших странников посетить замок моего господина!

– Гляди че, как по протоколу чешет! – восхитился Жомов, а Рабинович добавил, обращаясь к Попову:

– Вот тебе, Андрюша, и возможность поискать Мерлина...

Глава 5

Вереница всадников примерно в двенадцать часов неспешной рысью въехала в Бен-бери. Впереди, как ему и полагается, был командир на лихом скакуне. Следом двигалась наша троица, и замыкали шествие построенные попарно девятнадцать заржавленных стражников. Последний из всадников, кому не досталось балетной пары, постоянно перестраивался из левой части колонны в правую. От чего у зевак начинало двоиться в глазах.

Собственно говоря, троих ментов можно было смело из списка всадников вычеркивать. Не они на лошадях ехали, а лошади их везли, как сумки переметные.

Во время довольно продолжительного пути Рабинович несколько раз порывался забрать меня к себе в седло, дабы избавить мои многострадальные лапы от необходимости транспортировать распухшее от переедания тело.

Щаз-з-з! Я еще не совсем с ума сошел. Одного взгляда на баланс, каковой пытался сохранить в седле мой хозяин (горе-наездник!) хватило для того, чтобы привести меня в ужас. Если к попыткам усидеть верхом на пегой кобыле Рабинович добавит еще и необходимость удерживать меня на курчавой холке, то мы так сверзнемся со скользкого крупа, что отделить нас друг от друга сможет потом только опытный хирург. А то и патологоанатом!

В общем, от предложений Рабиновича я упорно отказывался всю дорогу. Поняв их тщетность, умный Сеня попытался привязать меня за поводок к дурацкому седлу, но и тут ему обломилось! Я такую бучу устроил, что Рабиновичу снова пришлось сдаться. Я просто лег на спину и отказался делать хоть какие-нибудь телодвижения. Ладно Жомову дают за поводок подержаться. Так еще и хотят, чтобы меня какая-то лошадь по дорогам водила! Цирковой номер придумали...

Собственно говоря, настоящий цирк вышел тогда, когда трое друзей узрели способ, которым им предстояло передвигаться по прошлым дорогам будущей Великобритании! Старейшина Гэлгледа привел трех лошадей из собственной конюшни. Лошади, кстати, упорно пытались спрятаться от Попова, помня его утренние вопли. Тяжело вздохнув, Кэй Какамври вынес из дома и три седла.

Из всей нашей компании один Андрюша в некоторой степени был знаком с верховой ездой. И то только потому, что, будучи малым ребенком на отдыхе в деревне, умудрился свалиться с забора прямо на спину молодого и амбициозного бычка. Рodeo из этого не вышло, а вот коррида почти получилась. Думаю, то достижение в беге с препятствиями так и остается по сей день личным рекордом Попова!

Впрочем, несмотря на отсутствие личного знакомства, седла на картинках видели все. Ну, представляете себе?! Стремена, луки, подпруга и все такое... Так вот, если «все такое» у британских седел еще было, то стремяна отсутствовали совсем. Жомов поначалу решил, что это диверсия, и собрался душевно поговорить с добрейшим Кэем, но тот изобразил на своей сальной физиономии такое удивление, что даже дуболомный Ваня засомневался в правильности своих выводов.

Видя растерянность на лицах доблестных чужеземцев при созерцании оборудования для верховой езды, достойнейший рыцарь Гриффлет приказал одному из стражников продемонстрировать виртуозное вождение кобылы.

Каково же было удивление троих друзей (да и мое тоже), когда оказалось, что на лошадях здесь разъезжают, закинув ноги за заднюю луку седла. Отчего всадник сразу становился абсолютно похожим на кающегося грешника верхом на кресле-качалке!

Оказалось, что рыцари прославленного короля Артура не имели никакого представления о стремянах. Стремные они какие-то, простите за каламбур! Они даже разъезжали верхом, не держась за поводья.

Такой способ передвижения был вызван исключительно необходимостью работать в бою двумя руками: одной – прикрывать брненное тело громоздким щитом, а другой – наносить противнику телесные увечья при помощи всевозможных варварских приспособлений. Копий, мечей, топоров и тому подобного холодного оружия.

Ноги, закинутые за луку седла, позволяли управлять кобылами без помощи хватательных конечностей. Нажимаешь на хребет несчастной животины носком правого ботинка – она поворачивает вправо. Левым – соответственно, в обратную сторону. А перенос веса тела с копчика на... противоположную сторону человеческого тела заставлял лошадь ускорять или замедлять скорость передвижения. Не знаю, чем этот способ лучше езды со стремянами, но абсолютно уверен – попробуй Попов так останавливать кобылу, и она непременно переломает задние ноги!..

Рабинович со своим блошиным весом никак не мог приспособиться к такому управлению транспортным средством. Сколько он ни напрягался, несчастное животное никак не могло почувствовать перемещения его килограммов и поэтому на команды не реагировало.

Жомов довольно быстро научился сносно держаться в седле. И его кляча даже иногда ехала в нужную сторону. Хотя и после некоторых раздумий! Лишь Попов наотрез отказался забираться в седло без стремян. Кавалерист хренов!

Андрюша принялся немедленно изобретать им достойную замену. В чем Рабинович постарался ему помочь. Сеня это делал, естественно, не без собственной корысти. В его планы входило понаблюдать за новым экспериментом рационализатора Попова.

Приделав какое-то подобие стремян к седлу и водрузив его (не без помощи стражника!) на спину кобылы, Андрюша наконец-то решил опробовать новую конструкцию в деле. Рабинович отошел в сторону, дабы обезопасить себя на случай нежелательных последствий (помните, чем окончился прошлый поповский эксперимент?), и принялся заинтересованно наблюдать.

Впрочем, новый метод верховой езды не оставил равнодушным никого из присутствующих. Каурая кобыла страшно заинтересовалась толстыми сосисками в виде ног Попова, повисшими у нее вдоль боков. Не знаю, то ли они показались ей съедобными, то ли просто раздражали, то ли это была попытка отомстить за утренний испуг, но лошадка попыталась укусить Андрюшу за ляжку.

Эта мысль показалась ей настолько интересной, что кобыла забыла обо всем на свете. Единственным ее желанием было непременно достать зубами до поповской ноги. После двух неудачных попыток это превратилось в навязчивую идею, и кобыла завертелась волчком, пытаясь непременно осуществить задуманное. Угмонить ее смог только Жомов, стукнув несчастную животину кулаком по голове. На несколько секунд лошадь настолько ошалела от незаслуженного, на ее взгляд, оскорбления, что застыла на месте, превратившись вместе с Поповым в некую гротескную карикатуру на Медного всадника.

Воспользовавшись замешательством кобылы, стражники стащили с нее не менее ошалевшего Попова. После чего Андрюше оставалось только смириться с существующим способом передвижения! Кобылу Попову пришлось поменять, поскольку бедное животное после таких издевательств ни за что не хотело подпускать Андрюшу к себе. Новое средство передвижения тоже терпело его с большим трудом. Непонятно почему. Оно ведь не участвовало в утренних экзекуциях.

Обиженная лошадь так неприязненно и косилась на Попова все двадцать часов, которые заняла дорога от Гэлгледа до Бенбери. Я предпочитал держаться подальше и от нее, и от новой клячи Попова, чтобы, не дай бог, не превратиться под копытами еще в одну шкуру в новой коллекции Рабиновича!

То, что стражники добрались до Гэлгледа намного быстрее, чем возвращались назад, объяснялось появлением в их отряде троих друзей. И в первую очередь Андрюши Попова,

старательно выискивавшего любую возможность, чтобы слезть со своей кобылы и походить по твердой земле.

Ночевку в лесу не имеет смысла описывать. Она ничем не отличалась от подобных мероприятий двадцатого века. Разве что спальных мешков не было. Впрочем, вместо них троим «сарацинским рыцарям» предложили звериные шкуры, мало отличавшиеся от той, что во время пира у Кэя Какамври стала собственностью моего Рабиновича. Естественно, что от этих шкур все трое категорически отказались, предпочтя им охапки папоротника.

Не знаю, что чувствовали трое друзей при виде стольного града сэра Бедивера, но я был страшно разочарован. Киношные истории о благородных рыцарях оказались сплошным обманом. И в декорациях в первую очередь!

По большей части Бенбери отличался от Гэлгледа только размерами. Если не обращать внимание на массивную крепость из грубо отесанного камня, что возвышалась в центре города, то сходство выходило полное. Разве что дряхлый акведук, тянувшийся от реки и, видимо, доставшийся Бенбери в наследство от сбежавших не так давно с острова римлян, несколько не вписывался в окружающий пейзаж.

Жители города оказались привыкшими к виду вооруженных всадников всех мастей и расцветок, разъезжающих по узким улочкам. Ничего похожего на помпезную встречу, устроенную нам деревенскими сумасшедшими Гэлгледа, тут не происходило. Разве что кое-кто из прохожих, прижимавшихся к стенам домов в надежде уберечься от кавалькады воинов, застыл с открытым ртом, увидев неформальный, по их меркам, прикид троих ментов. Я почему-то вызывал гораздо меньше любопытства!..

После того как мы приблизились к открытым воротам крепости, я ожидал услышать торжественный звук фанфар. Даже прижал уши к голове, чтобы не оглохнуть. Но и в этой мелочи мне отказали! Такой подлости я не ожидал, поэтому не сдержался и облаял местную шавку, выскочившую из ворот нам навстречу.

Ошалев от моего рыка, дворняга мгновенно спряталась в подворотне и зашлась таким визгом, что подняла на уши всех окрестных собак. Какофония вышла на загляденье, даже лошади с перепугу присесть на все четыре копыта начали! А я, довольный собой, царственной походкой направился в открытые ворота. Слушайте гавканье, раз с фанфарами не захотели встречать!..

Изнутри крепость оказалась гораздо приличнее, чем снаружи. Сооружений явно римского времени здесь было более чем достаточно. Даже фонтан имелся. Вернее, то, что от него осталось. И в этих бранных остатках, судя по количеству навоза вокруг, скорее всего поили скотину. По-моему, лошадей! Я не очень в их дерьме разбираюсь.

Именно около фонтана и спешила вся кавалькада. Попов то ли с радости, что путешествие закончилось, то ли из мести за перенесенные пытки шлепнул ладонью по крупу своей кобылы. Да так, что та с перепугу заскочила прямо в фонтан, обдав окружающих брызгами холодной воды. Надо ли говорить, что такая выходка Андрюши не прибавила ему уважения среди лошадиного племени?!

Рыцарь Грифлет снова позволил стянуть доисторический гермошлем со своей головы и тут же сунул ее в фонтан. Едва не у кобылы между ног. Видимо, солнышко так напекло ему маковку, что достойному рыцарю было уже безразлично, куда ее совать. Лишь бы остудить.

Обиженной кобыле тоже было все равно, кого пнуть! Тем более что под хвостом глаз у нее нет. Она уже занесла ногу для удара, и я сомневаюсь, что после него влезла бы голова доблестного рыцаря в тот дырявый ночной горшок, который он называл шлемом, если бы подбежавший грум за узду не выдернул лошадь из фонтана.

– Достойнейшие странники, наверное, хотят отдохнуть с дороги и помыться, – произнес наконец Грифлет, когда перестал булькать и вытащил голову из воды. – Слуга покажет вам ваши покои и обеспечит всем необходимым...

– А пожрать дадут? – беспокойно поинтересовался Попов, прислушиваясь к урчанию в желудке.

– И выпить! – требовательно дополнил его Жомов.

– Сразу после того, как достойные гости омоют дорожную пыль со своих усталых тел, сэр Бедивер приглашает их на пир, устроенный в честь благополучного прибытия великих воинов! – с чувством собственного достоинства ответил Грифлет и, гроыхая доспехами, поплелся куда-то в глубь двора.

– Опять пить? – с тяжелым вздохом поинтересовался Рабинович у Попова с Жомовым. – Не надоело?

– А что? На халяву и уксус сладкий! – довольно усмехнулся Андрюша.

– За компанию и жид удавится! – не подумав, дополнил его Иван, за что и получил от Рабиновича чувствительный тычок по ребрам. Жомов тут же поправился: – К тебе это не относится. Ты скорее сам всю компанию передавишь!..

Пока трое друзей принимали водные процедуры в мелких тазиках, я нашел себе занятие поинтересней, чем наблюдать их голые зады. Проводя рекогносцировку местности, я наткнулся на довольно обширную псарню, заполненную... Кем бы вы думали? Овчарками! Наконец-то приличное общество. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что я несколько ошибся в своих критериях определения приличий.

Где-то я слышал, что древние римляне использовали моих далеких предков при проведении некоторых карательных операций (вот, оказывается, откуда у меня склонность к милицеской службе!). Вообще-то, предпочтение они отдавали догам – говорят, у прокуратора Иудеи, Понтия Пилата, был пес этой породы – но и овчарками они не брезговали. Особенно после знакомства с гуннами.

Здесьние придворные псы, видимо, вели свою родословную от тех овчарок, которые были завезены оккупантами с континента. Но со времени бегства с острова римских легионов эти зверюги настолько мутировали, ведя беспорядочный половой образ жизни, что по их перекошенным мордам можно было вполне догадаться, кто стал предком английского бульдога!

Короче, после более близкого знакомства желание общаться со сворой сэра Бедивера пропало само собой. И потом мое бесцельное блуждание по крепостному двору привело к тому, что какой-то наглец попытался дубиной загнать меня в собачий барак. Если бы я не уважал частную собственность, то этот гад лишился бы большего, чем куска мяса из ягодицы! А так и овцы остались целы, и волки – сыты. То бишь наглец сбежал, а я вернулся в покои к моим «сарацинам».

Сэр Бедивер оказался не слишком приятным типом. В поперечнике немного шире Кауты, в холке он почти не уступал Попову. От чего казался почти квадратным. К тому же Бедивер постоянно орал, видимо, привыкнув общаться с людьми из-под такого же железного горшка, что носил и рыцарь Грифлет.

От Бедивера настолько сильно пахло здесьними псами, не знавшими личной гигиены, что у меня сложилось двойственное впечатление о месте его ночевки. То ли сам спит на псарне, то ли собак к себе в постель пускает! В общем, от этого типа я старался держаться подальше и остальным бы посоветовал.

Возле Бедивера постоянно крутилась пара кобелей и сучка, которых он то и дело подкармливал не самыми последними кусками мяса со стола. Поначалу эта троица попыталась оспорить мое право находиться за столом. Пришлось отбросить кошке под хвост все приличия и самым грубым образом прокомментировать особенности их появления на свет. С нашим отборным матом тягаться, естественно, ничто не может! Поэтому оторопевшие наглецы заткнулись и пасти свои больше не смели разевать.

– Мурзик, фу! – ничуть не тише Бедивера заорал на меня Рабинович. – Сидеть!

На-ча-лось! Опять придется ждать, пока не напьется. Кстати, местные псы никак на мою кличку не отреагировали. Наверное, побоялись узнать новые подробности своего происхождения, или котов у них Мурзиками не зовут! В любом случае, я решил, что пора прекращать бес-предел Рабиновича. Как только выдастся удобный случай, непременно использую единственные его ботинки в качестве фонарного столба!

Где-то к середине застолья Рабиновичу все же удалось выяснить цель, с которой всех троих друзей пригласили в замок к Бедиверу. Оказывается, мальчишка, посланный Кэем Какамври для оповещения своего суверена о нашем прибытии, несколько задержался с выполнением поручения и успел увидеть короткий бой моего Сени с тремя стражниками Мордредра.

Об этом он и доложил любознательному Бедиверу. Тот, недолго думая, решил приплюсовать три столь боеспособные единицы к своей личной гвардии. Для этого и выслал за «сарацинами» почетный эскорт в лице рыцаря Гриффлета. Что и подтвердил вышеупомянутый тип, поднявшись со своего места. Решив не тянуть волынку, сэр Бедивер тут же предложил бойцам доблестной милиции присоединиться к своему войску.

– И что мы с этого будем иметь? – тут же любопытствовал мой Рабинович.

– Три золотых в месяц, казенные харчи, крышу над головой и честь выходить на битву под моими знаменами, Рианнон вас разбери! – рявкнул на весь зал Бедивер. – Можешь прибавить к этому сотую часть с добычи. На троих, разумеется, хитрый сарацин!

Судя по тому, как загалдели присутствующие в зале, это было хорошее предложение. Впрочем, Рабинович над ним долго не раздумывал. Сения успел заметить, что Попов торопливо пытается проглотить недожеванный кусок мяса, явно собираясь что-то возразить. Поэтому и ответил, не торгуясь. Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу такое!..

– Мы принимаем твоё предложение, великодушный сэр! – заорал он, пытаясь перекрыть всеобщий гомон. – Почтем за честь служить под командой такого великого рыцаря, слава о котором простирается от... – тут Рабинович запнулся. – От моря до моря! Только деньги вперед.

– Согласен! – хлопнув по столу так, что трем псынам под столом достался на десерт целый кабанчик вместе с блюдом, на котором лежал, утвердил соглашение Бедивер.

– А как насчет повышения по службе и увеличения зарплаты? – не унимался Рабинович.

– Вот после первого сражения и посмотрим, на что вы способны! – в тон ему ответил хозяин замка.

От такой торговой сделки крики в зале усилились стократно. Каждый пытался поздравить друзей с удачной сделкой. А кое-кто и похлопать новоиспеченных рекрутов по плечу. Однако после того, как Жомов отмахнулся рукой от одного такого индивида, опрокинув при этом на пол и его, и десятерых соседей в придачу, выражать свое восхищение присутствующие решили на расстоянии.

– Это что ж ты творишь, урод продажный! – завопил Попов, сумев наконец проглотить настырный кусок мяса. Однако среди всеобщего ликования его возглас никто, кроме Жомова и Рабиновича, не услышал. – Какая служба? Я домой хочу. У меня там рыбки не кормлены и мама...

– Слышали мы уже про твоих рыбок. А про маму и слышать не хотим! – оборвал его Жомов. – Жри сиди. У Сени конкретней нашего башка варит. Пусть он и решает, что нам тут делать!

– Действительно, Андрей, – обиделся на «урода» Рабинович. – Я как лучше хочу, а ты меня все время обзываешь. Не устраивает тебя моя позиция, так можешь отделиться, как Прибалтика, и добираться домой суверенным способом!

Перспектива остаться в одиночестве явно Попова не прельщала. Он только обреченно махнул рукой, сдаваясь давлению большинства, и принялся доедать жирную курицу. Кстати,

недожаренную! Пока Андрюша размахивал руками, я утащил из его тарелки половину тушки. А то у него от переедания заворот кишок случится!..

Спал я чутко, в отличие от троих друзей, явно превысивших вчера свою норму спиртного. В этот раз даже Жомов не смог после пира передвигаться самостоятельно. К спальным местам всех «сарацинов» транспортировали слуги сэра Бедивера, а мне пришлось смотреть, чтобы ментов не побросали как попало, а аккуратно поместили на кровати.

Слуги, видимо, были наслышаны о том, как их товарищ лишился части седалища. Поэтому понимали меня с полуслова и действовали строго согласно моим инструкциям. Впрочем, Жомова они не касались, поскольку все до единой кровати оказались для него подобны прокрустову ложу. Как Ваню ни клади, у него либо голова, либо ноги с постели свешиваются! Он так и проспал до утра на спине, свесив свои ходули до самого пола.

Не знаю точно, сколько было времени, когда в нашу комнату ввалился волосатый питекантроп с мечом на поясе, но явно не позже шести утра. Точнее, этот наглый товарищ попытался вломиться без стука. Но, услышав мой предостерегающий рык (а какого хрена лезет, куда не просят?), остановился на пороге. Впрочем, несмотря на мои уговоры, сообразить, как ведут себя воспитанные люди, питекантроп так и не смог. Вместо этого он прямо от дверей заорал благим матом:

– Рота, па-адьем! – и сделал ударение на твердом знаке!

Этот вопль ему пришлось повторить трижды, прежде чем кто-нибудь отреагировал на него. К несчастью для непростого гостя, этим «кем-то» оказался Жомов. А еще большей бедой стало то, что под руку Ивану попался медный ночной горшок, входящий здесь в мебельровку комнаты.

Горшок с колокольным звоном приложился точно ко лбу волосатого громкоговорителя, чем выключил его на неопределенный период времени. Но зато включил Рабиновича, принявшего грохот горшка за дежурный сигнал тревоги в участке. Сеня подскочил на своей кровати и испуганно посмотрел по сторонам. Он и оказался единственным свидетелем того, как я подошел к поверженному крикуну, дабы удостовериться в том, что он еще дышит. Обычно я себе таких нежностей с нарушителями общественного порядка не позволяю!

Сеня довольно быстро пришел в себя и сообразил, где находится. Поэтому на вопрос Попова, среагировавшего на шевеление, словно такса на крысу, о том, который сейчас час, спокойно ответил:

– Шесть утра. Ровно! Не слышал, что ли, радио пропикало?

Неизвестно почему, но Андрюша на эту шутку страшно обиделся и попытался спрятать голову под подушку. Сам и оказался виноват в том, что заработал шишку! Поскольку подушки на их постелях были простыми кусками дерева, обмотанными несколькими слоями грубой ткани.

– Твою мать... – завопил Попов, потирая ушибленное место. – Я голову тому кутюрье оторву, кто дизайн этих подушек разрабатывал!

– Кто орал? – поинтересовался Жомов, наконец умудрившись проснуться. И, увидев в открытых дверях давно не мытые босые ноги, добавил еще вопрос на засыпку: – К нам что, гости приходили?

«Гость» в это время пришел в себя и сел, трогая новоприобретенный нарост на лбу. Слава богу, что голова у него оказалась крепче ночного горшка, уменьшившегося от удара до размеров суповой тарелки. А то хорошо бы Жомов выглядел в первый день службы, испортив дворцовый будильник!

Обезьяноподобный абориген снова потрогал стремительно набухающую шишку (а получилась она у Жомова на славу! Прямо произведение искусства). Обведя взглядом троих друзей, удивленно рассматривающих непонятное однорогое существо, ранний визитер плаксиво проямлил:

– А че сразу кидаетесь? Вставать пора. Меня сотенный за вами послал. Мне-то че? Спите. Я вот ему сейчас доложу, что вы вставать не хотите...

– А ну вали отсюда, лох несчастный! – заорал на посыльного Жомов, и того сдуло из дверей, словно сотенную купюру со стойки бара.

– Вот вам, пожалуйста, ваша вожденная служба! – ехидно прокомментировал случившееся Попов. – Боком выходит.

И все же троим друзьям из постели пришлось выбираться. Мало того, что они на жестком ложе все бока себе отлежали, так еще и Рабинович провел пространную лекцию о необходимости наращивания оборотного капитала.

Жомов попытался было объявить, что не пойдет ни на какую службу, пока ему опохмелиться не дадут. Но Рабинович был неумолим! Он заявил, что объявляет сухой закон. По крайней мере до первого получения доли с добычи.

– Ты че? Офонарел, что ли? – возмущенно взревел Жомов, над чем Попов не преминул поехидничать.

– Ванечка, ты же сам вчера говорил, что у Рабиновича конкретней нашего башка варит! – процитировал вчерашние речи Ивана Андрей. – Ты уже изменил свое мнение по этому поводу?

Видимо, Попов надеялся, что Жомов действительно передумает и заставит Рабиновича аннулировать вчерашний воинский контракт. Но Андрюша ошибся. Бывший омовец, ныне солдат сэра Бедивера, только помотал нечесаной башкой и принялся приводить себя в божеский вид.

Надо сказать, что выглядели доблестные сотрудники милиции совсем «не по уставу». Я уж не говорю о помятой и перемазанной форме! Достаточно было взглянуть на их небритые физиономии, и сразу становилось ясно, что парни начали забывать о цивилизованном образе жизни.

Среди всей нашей компании я один сумел сохранить приличный вид. И то репей где-то на хвост умудрился прицепить, да так до конца и не выдрал. Раньше об этом Сеня заботился, но теперь он и за своей внешностью уследить оказался не в состоянии. Рабинович сосредоточенно рассматривал себя, гадая, где бы погладить униформу. Масла в огонь добавил Андрюша Попов.

– Значит, нравится вам тут? – зашипев, словно змея под прессом, поинтересовался он. – Посмотрите на себя! Побриться нечем. Спим, как скоты. Сменного белья тоже лишились! Даже зубной щетки нигде не найдешь. Я уж не говорю об унитазе! Мне что? По-большому на горшок идти? Детский сад вспомнить?

Все! Дальше я его стенания слушать не стал. Я тоже живое существо. И организм у меня, как и у этих олухов, требует оправления всех своих естественных потребностей. Поскольку для меня никаких удобств внутри помещения предусмотрено не было, а я не шелудивый кот, чтобы справлять свои нужды где попало, то пришлось отправляться во двор.

Погода на улице стояла чудесная! На небе ни облачка, и солнце преспокойненько карабкалось вверх, добравшись уже до вершины зубастых крепостных стен. Я слышал, что Англию называют страной туманов. Но я уже здесь четвертый день и ничего подобного не видел. Не знаю, то ли врут люди, то ли в шестом веке туманы в Англии еще не придумали!

Как бы то ни было, до появления во дворе Рабиновича я успел сделать утренний обход вверенной мне территории (раз Рабинович на службе, то и я служу!) и поставить все соответствующие случаю метки. Пусть теперь хоть одна местная шавка заикнется, что я не имею права находиться в замке. Быстро мордой ткну туда, куда следует!

Впрочем, на мои права никто и не думал посягать. Собаки обходили меня стороной. Поэтому я спокойно мог созерцать особенности национальной армии бриттов.

Первое утро службы троих друзей началось с пробежки вокруг крепостных стен. Если Рабиновичу иногда еще и приходилось, выгуливая меня, передвигаться таким способом, то Жомов с Поповым к длительному бегу были явно не приспособлены. С первой половиной

дистанции Иван справился довольно легко. А вот Андриюшу пришлось тащить на руках уже через несколько метров после старта!

Худо-бедно, но с этим элементом программы «сарацины» справились. Если честно, то я ожидал непереносимых насмешек со стороны солдат Бедивера в адрес моих друзей по поводу их способности самостоятельно передвигаться. Даже приготовился рывкнуть на особо остроумных, но ничего подобного не случилось. Большая часть воинства усиленно пыхтела от натуги впереди нашей троицы и никак не реагировала на ее присутствие.

Исключение составляло обезьянообразное подобие российского сержанта. Он пару раз прикрикнул на нерадивых «сарацинов». Но, увидев озверевшую морду Жомова, решил на скандал не нарываться. Видимо, был в курсе инцидента с ночным горшком!

По возвращении в крепостной двор оказалось, что армия сэра Бедивера значительно больше по численности, нежели мне представлялось после старта забега. Из казарм, возможно, служивших ранее римлянам в качестве храма, на площадку перед фонтаном высыпала довольно многочисленная толпа волосатых аборигенов.

Я кое-что слышал от Жомова о службе в Российских вооруженных силах. Поэтому мне не составило труда догадаться, кто они такие и откуда пошли корни пресловутой «дедовщины». Придется дополнить список древнейших профессий еще одной – «армейский дед»!

– Посмотрите на этого жирного бора! – заорал один из старослужащих, тыкая пальцем в Попова. – У него такой вид, будто его только что с вертела сняли.

Все сборище немых недоумков еще не догадывалось о том, что скоро один из них станет инвалидом, поэтому громко засмеялось в ответ на эту шутку сомнительного достоинства. Попов на оскорбление ответить не мог, поскольку после забега был в состоянии только рот разевать, словно Киркоров под фонограмму. За него ответил Жомов.

И так взбешенный тем, что троих российских ментов держат в местных войсках за «духов», да еще услышав оскорбление в адрес, можно сказать, лучшего друга (после меня, конечно!), Жомов вышел из себя. И обратно возвращаться не собирался!

Ваня, конечно, в риторике не силен, поэтому времени на разговоры он тратить не стал, а просто стукнул местного остряка своим огромным кулачищем по лбу. Если взбесившаяся лошадь, пытавшаяся покусать Андриюшу, ошалела от жомовского удара, то нужно ли говорить, что стало с расшутившимся «дедом»? Он просто опустил на пятую точку и просидел так до конца зарядки.

Выглядело все происшедшее довольно убедительно для того, чтобы пресечь в корне все еще не высказанные шутки по поводу воинских достоинств новых рекрутов. Что было кстати, если учесть, как выглядели трое друзей на следующем виде утренней программы.

После пробежки местный сержант заставил все воинство делать упражнения бодибилдинга. То есть поднимать огромные камни, перетаскивать их с места на место, приседать с этими валунами. В общем, оторвался по полной программе.

Похоже, бриттским «дедам» эта часть зарядки была особо по душе, поскольку они принялись выполнять команды сержанта с особым рвением. Чего не скажешь о моих доблестных «сарацинах»! Нет, конечно, не все трое были одним лыком шиты. Жомов, например, управлялся с оружием пролетариата легко. Можно сказать, даже играючи. А вот Попов с Рабиновичем поменялись ролями.

Мой ненаглядный Сеня (к моему же великому стыду!) смог поднять только самый маленький из валунов, и то один только раз. Хотя, по-моему, и этого оказалось много! Андриюша же Попов прятал под складками жира некоторое количество мускулов. Он смог выполнить несколько силовых упражнений и даже зашвырнуть камень в фонтан, когда сержант потребовал у утомившегося Андриюши продолжить мазохистские истязания.

Однако самый большой сюрприз преподнес завтрак. Харчеваться нас повели не во вчерашний пиршественный зал, как наивно полагал мой Рабинович, а на задворки кухни. В армей-

скую столовую, сильно смахивающую внешним видом на хлев. Это бы еще ничего, если бы Попов не увидел то, чем троих друзей собирались кормить: на дне глиняной миски, небрежно брошенной ему разливальщиком, оказалась овсяная каша!

– Это что? – еще не совсем осознав происходящее, спросил Андрюша.

– Твой завтрак, – ухмыльнувшись, ответил разливальщик, еще не догадываясь о том, как Попов может кричать. Впрочем, Андрюша решил недолго держать собравшихся в неведении.

– А где мясо?! – заорал он благим матом. – Где мясо, я тебя спрашиваю? Твою мать...

Взрывной волной, поднятой Андрюшиным криком, у разливальщика вырвало миску из рук и прилепило ее точно на темечко волосатого подобия сержанта. Сам бедняга разливальщик свалился под стол, уронив на колени одного из солдат бронзовый горшок с горячей кашей. Да и вообще, усидеть на месте смогли только закаленные в боях воины. Но и после визга, поднятого ошпаренным овсянкой бойцом, и им пришлось несладко. Нужно ли объяснять, что произошло с разливальщиком, оказавшимся в самом эпицентре звуковых ударов?

– Все, Сеня, в гробу я видал такую службу! Мало того, меня заставили на этих дурацких лошадях ездить, так еще и их жратвой пытаются накормить, – категорично заявил Попов и запустил своей миской в голову и так контуженного разливальщика. – Можешь жрать эту дрянь, а я ухожу.

– Похоже, Андрей прав. По-трезвому такое есть нельзя! – хмуро заявил и предатель Жомов, которому посчастливилось не пробовать подобной пищи со времен своей детдомовской юности. – Надо делать отсюда ноги!..

Рабинович, приготовившийся стерпеть все ради девяти золотых, полученных вчера от Бедивера, утратил остатки мужества, глядя, как его друзья покидают столовую. Горестно вздохнув и с сожалением посмотрев на свою порцию каши, Сеня поднялся из-за стола и последовал примеру друзей. Вот тебе, Рабинович, и демократические реформы!..

Глава 6

Гауптвахта в замке сэра Бедивера выглядела куда менее приглядно, чем та, на которой довелось посидеть Жомову во время его службы в Российской Армии. Представляла она собой просто-напросто трехметровой глубины яму, обложенную грубо отесанным песчаником.

– Говорил я вам, что нужно было сразу домой назад сматываться?! – в который уже раз за два дня, прошедших с момента ареста, проговорил Попов. – Теперь будем здесь сидеть, пока плесенью не покроемся. Ни тебе умыться, ни в туалет по-человечески сходить. А от овсянки я скоро ржать начну. Словно жеребец неоскопленный...

На его слова уже никто внимания не обращал. Первое время Рабинович пытался убедить Андрюшу в том, что без Мерлина в свой век вернуться никак не получится. Да еще и неизвестно, понимает ли сам колдун-перестарок, как он попал в их время, и может ли повторить свой смертельный трюк. Однако от Попова слова Сени отлетали, как от стенки горох.

Жомов изредка покрикивал на обоих, когда слишком шумные перепалки начинали его раздражать. Но и это на Андрюшу не действовало. Даже Мурзик, которого почему-то засадили на гауптвахту вместе с хозяином, пару раз рычал на Попова. Но эксперт-криминалист все равно не переставал стонать по любому поводу, вспоминая все блага цивилизованной жизни.

Арестовали друзей почти сразу после первого завтрака их новой солдатской службы. Какой-то доброхот немедленно доложил сэру Бедиверу о выходке «сарацинов» в столовой. Владыка окрестных земель тут же принял меры, чтобы в корне пресечь начавшийся бунт. Он выслал для ареста тридцать закаленных в сражениях солдат, и друзей перехватили еще до того, как они по лабиринтам замка добрались до своей комнаты.

Неравный бой в тесном пространстве коридора получился слишком быстротечным. Только Жомов успел помочь поцеловаться со стеной четверым стражникам Бедивера да Рабинович уложил одного на пол ударом в лоб. Большого друга не смогли. Взятые в кольцо солдатами, оцетинившимися частоколом копий, «сарацины» были вынуждены принять капитуляцию. Причем на условиях более позорных, чем те, что были предоставлены фашистской Германии весной сорок пятого.

С тех пор трое друзей неоднократно разрабатывали способы побега, но отвергали их один за другим. И отнюдь не из-за трехметровой глубины своей тюрьмы. Для гиганта Жомова это не являлось препятствием. Как не остановила бы его и деревянная решетка, закрывавшая яму и запертая примитивным замком.

В первую очередь планы побега не принимались из-за того, что никто из друзей не имел представления о том, где находятся их чудесные «демократизаторы», без которых справиться со стражниками замка, значительно превосходившими в численности, не представлялось возможным.

Конечно, была надежда на то, что Мурзик сможет отыскать личные вещи ментов по характерному запаху, но полной уверенности в этом не было. Попробуйте-ка унюхайте что-нибудь в этом средоточии вони! К тому же неизвестно, как могут охраняться «демократизаторы» и прочая амуниция.

Мешало побегу и полное незнание географии страны, в которой друзья оказались по злой воле треклятого колдуна! Куда бежать, когда даже приблизительно не знаешь, где находишься? И есть ли такое место, где всю троицу не выдадут Бедиверу как беглых клятвоотступников? Да и на лошадях из замка не вырвешься: расстреляет охрана из своих карликовых луков. А без лошадей далеко не уйдешь. Местная кавалерия быстро настигнет.

В итоге на всеобщем собрании заключенных при двух «за» и одном воздержавшемся было решено ждать, пока всех не выпустят с гауптвахты. А затем уже и поступать по обстоятельствам! Мурзика, естественно, никто не спросил.

Пищу приносили один раз в день. И то ближе к вечеру. Кормили арестантов той же овсянкой, которой они так бессовестно пренебрегли в первый день воинской службы. Вот только теперь, ввиду отсутствия других продуктов питания, жиденькую кашу лопали все. Даже Мурзик.

В этот раз на улице уже почти стемнело, и сквозь балки деревянной решетки на дно колодца начали заглядывать огромные звезды, а ужин (он же и обед, и завтрак) все не несли. Попов принялся громко стенать, жалуясь на нарушения прав человека, но его крики так и остались без ответа. Если, конечно, не считать ответом удивленный вопль кота, заглянувшего сквозь решетку и получившего от Жомова камнем по носу.

– Че орете, благородные рыцари? – наконец раздался поблизости от гауптвахты голос слуги, а затем на краю ямы показалась и его лохматая голова. – Скучаете, что ли?..

Жомов, собравшийся запустить камнем и в слугу, едва сумел удержать руку. Но вот не выругаться он не смог: окруженная светом звезд, словно лик святоши нимбом, сквозь прутья решетки в яму заглянула ухмыляющаяся физиономия Кауты.

– Ты, грязный, вонючий, проклятый сакс, – с угрозой в голосе полюбопытствовал Иван, – пришел отыграться за то, что я тебе в деревне рыло начистил?

– Ну вот! Так всегда: бритты что-то натворят, а все в этом саксов обвиняют, – обиделся Каута. – Я, что ли, вас сюда посадил?

– Ты что здесь делаешь? – удивленно спросил Рабинович, крайне заинтересованный происходящим. – Тебя же в деревне оставили...

– Правильно, оставили, – согласился сакс. – Вот этот здоровый и бестолковый благородный господин согласился взять меня в услужение. А потом бессовестно бросил, едва бриттские свиньи его в гости пригласили. А я слов назад не беру. Сказал, что буду служить? Значит, буду служить. Позвольте полюбопытствовать, сколько вы еще тут торчать собираетесь?

– Во охренел! – удивился Жомов. – Мы что? Отсюда спокойно выйти можем?

– Конечно, – Каута посмотрел на друзей, словно на сумасшедших. – Вы никогда о суде рыцарской чести не слышали, что ли? Вот темнота!..

В течение следующего получаса сакс, как мог, пытался объяснить троим «сарацинам», что такое рыцарский суд чести. Попов постоянно перебивал его и не замолчал, пока не получил сразу все три порции овсянки (не считая миску Мурзика). Жомова с Рабиновичем убогая пища уже не интересовала. Они получили шанс выбраться из заточения и ни о чем другом теперь думать не могли.

Оказывается, просто так в яму можно посадить только рядового простолюдина. Людям благородным полагается суд, на котором обвиняемый и истец мочат друг друга без зазрения совести копьями, мечами, топорами и всем остальным, что попадется под руку, доказывая свою правоту.

Главным судьей их поединка является сам Господь Бог. Ибо, если обвиняемый невиновен, то «праведный судия» вложит победу в его руки. В противном случае верх одержит истец. Помимо головы обвиняемого, на этом суде выясняется дальнейшая судьба его имущества. Если же подзащитный невиновен, то ему обязаны выплатить компенсацию за моральный ущерб из средств противной стороны.

– Ни хрена себе! Это сколько же я народу бы пересажал, если бы у нас такая судебная практика была? – удивился Жомов. Рабинович в самых ласковых выражениях попросил Ивана «заткнуть пасть».

– А если Бедивер откажет нам в таком суде? – поинтересовался Сеня у Кауты.

– Не откажет, – уверенно ответил сакс. – Его тогда к Круглому столу короля Артура и близко не подпустят. К тому же всеобщему осуждению предадут и будут его знамя везде кверху ногами вывешивать.

– Его бы самого кверху ногами куда-нибудь повесить, – проворчал Жомов.

– И я про то же! – согласился с ним Каута, оскалившись в злобной усмешке.

– Но ведь короля Артура нет в стране? – засомневался Рабинович. – Наплюет Бедивер на все законы и не станет нас слушать!

– Не наплюет, – успокоил его Каута. – Его потом соседние рыцари так оплюют, что любой верблюд результату позавидует!..

– Тогда мчись к этому уроду и скажи, что мы требуем поединка, – самодовольно приказал Кауте Рабинович.

– Чур, я с ним биться буду! – закричал Жомов, на что получил решительный отказ.

– Нет, Ваня, я вас в эту историю втянул, мне и обратно всех вытаскивать! – благородно предложил Рабинович. Возразить на это Жомову было нечего.

– Да прекратите вы орать? – недовольно проворчал Попов. – У меня от ваших воплей кусок в горло не лезет!

Каута оказался прав. Получив такой вызов от «сарацинов», Бедивер отказаться не мог. Скрипя зубами от злости на того козла, который имел наглость просветить чужестранцев по поводу местных законов, и пообещав оторвать подлецу голову, если его найдет, Бедивер согласился на поединок.

Уже через час после разговора с Каутой троих друзей достали из ямы и отконвоировали в ту самую комнату, где они провели ночь после пиршества, оказавшего такие роковые последствия на всю их дальнейшую судьбу. «Сарацинам» даже все их имущество вернули. Включая и те девять золотых, полученных по контракту. Сеня за этим особо проследил.

– А пожрать что-нибудь дадут? – полюбопытствовал Попов у одного из слуг. – А то у меня желудок до размеров куриного усох!

Поесть не дали. Оказывается, перед поединком следовало поститься. Чтобы предстать на ристалище чистым и телом и душой! Андрюша, конечно, поворчал о том, что биться будет Рабинович. Дескать, пусть он один и постится. Но его уговоры ни к чему не привели. Видимо, жадина Бедивер просто решил сэкономить припасы!

Утро в день поединка выдалось дождливое. Мелкие капли не переставая сыпались из низких и серых, словно милицейская форма, облаков. Ристалище, хотя и утоптанное копытами лошадей сильнее, чем футбольное поле взбесившимся «Спартак»», мгновенно разбухло. К десяти утра по нему уже смело можно было плавать на байдарках. Чтобы хоть как-то привести его в божеский вид, полгорода принялось таскать на ристалище песок в плетеных корзинах.

Еще вчера с вечера весь Бенбери был взбудоражен слухами о предстоящем матче «УВД» – «Рыцари». В кабаках ставки принимались до утра. А если кто не успел сделать свой выбор, мог перед поединком справиться у букмекеров относительно шансов на выигрыш каждого кандидата. Рабинович буквально разрывался оттого, что невозможно одновременно драться и принимать ставки на себя самого!

В качестве представителя обвинения Бедивер выставил рыцаря Гриффлета, одержавшего в предыдущих десяти матчах девять побед. Проиграл благородный Гриффлет только самому Ланселоту Озерному. Что, как известно, за поражение не считается. Еще поспорить стоило, справился бы с непобедимым Лансом сам король Артур! Поэтому на Гриффлета ставки принимались 2:1, тогда как на малоизвестного Рабиновича 10:1. Да это и понятно – кто захочет ставить на темную лошадку?

Сеня, конечно, такой шанс упустить не мог. Пока Жомов помогал ему с подгонкой амуниции, Рабинович пинками выгнал под дождь ворчащего Попова и заставил Андрюшу вложить все сбережения друзей в себя самого. Единственное, что Рабиновичу не удалось вытащить у эксперта, так это килограммовый серебряный крест. Неизвестно почему, но Попов сроднился с этим амулетом и едва не стукнул Рабиновича крестом по лбу, когда тот попытался отобрать серебряную безделушку силой.

Каута постоянно вертелся поблизости от Жомова, давая ценные советы. Сакс пожертвовал ради такого случая даже свою кольчугу, которую Рабинович нацепил под металлический нагрудник, выделенный сердобольным Жомовым. Горшок на голову Сене тоже нашли. Даже почти подходящего размера! Если Рабинович резко не мотал головой, то и шлем соглашался не сползать ему на глаза.

– Блин, бронежилет и полный боекомплект меньше весят! – удивился Сеня, попытавшись попрыгать в новой форме. – На лошадь меня сами сажать будете...

Жомов оглядел друга с ног до головы и остался доволен. Прикид у Рабиновича вышел классный. Это ничего, что в доспехах Сеня напоминал хоккейного вратаря, скрещенного с Медным всадником! Главное, что выглядел стильно. Совершенно по существующей моде.

Прямо перед началом поединка Жомов занялся главной частью вооружения Рабиновича. Ваня беспардонно обломал с турнирного копья железный наконечник, чем вызвал у Кауты истерику. Вместо него Жомов намертво привязал к древку свою резиновую дубинку. Это безобразие вообще довело несчастного сакса до приступа стенокардии.

«Демократизатор» Рабиновича Иван повесил владельцу на пояс. И Сене пришлось минут пятнадцать тренироваться для того, чтобы суметь его отцепить, пользуясь тем минимумом обзора, который оставляли ему прорезы в гермошлеме. С пятой попытки это получилось, и оба друга решили, что Рабинович к бою теперь достаточно подготовлен.

– Ты, главное, Сеня, в него этой хреновиной попади, – давал последние инструкции Жомов, тыча своей лапицей в новоизобретенное копье. – Потом падай с лошади и мочи его лежащего. Только сам себя дубинкой не приласкай! А то снесет голову к шутам собачьим...

Собаки-то тут при чем?! Я, что ли, по ристалищу как дурак буду носиться?

Попов вернулся как раз к тому моменту, когда сенешаль с надрывом начал вопить, вызывая бойцов к поединку. Андрюшино возвращение оказалось как нельзя кстати, потому что Жомов с Каутой никак не могли вдвоем затащить Рабиновича на каурую кобылу. Стоило им посадить Сеню верхом с одной стороны, как тот тут же начинал падать на другую!

Видя столь впечатляющие навыки верховой езды, болельщики на трибунах заулюлюкали и засыпали Рабиновича насмешками. Хорошо, хоть яйцами тухлыми кидать не стали! Когда Сеню наконец усадили на кобылу, ставки на него упали до 20:1.

Услышав такое, Рабинович едва снова не вывалился из седла. Он так страшно начал ругаться, что Жомов испугался за свою психику. Иван попытался успокоить Сеню, но ничего из этого не вышло. Рабинович начал стаскивать с себя металлический нагрудник и требовать, чтобы Попов пошел и внес эту часть амуниции в качестве еще одной ставки.

Такого издевательства даже Андрей не выдержал. Он плюнул на свои чувства и пошел ставить на Рабиновича серебряный крест. Только после этой жертвы Сеня и смог успокоиться. Но заволновалась лошадь. Видимо, богатство Сениного фольклора что-то повредило у нее в голове. И бедное животное согласилось идти на ристалище только задом!

Сражаться так было, естественно, невозможно. Сенешали, посоветовавшись, разрешили произвести замену транспортного средства. Такой рискованный трюк потребовал немало времени. Поскольку теперь, чтобы снять Рабиновича с лошади, потребовался грум, пытавшийся успокоить расстроенное животное в течение пятнадцати минут.

К тому времени, когда Сеня наконец смог выехать на ристалище, Грифлет изрядно промок под непрекращающимся дождем и начал потихоньку ржаветь. А его лошадь по колено погрузилась в грязь. Вытащить ее из тины на более твердое место удалось лишь с третьей попытки. И то только после того, как животное увидело Попова, направившегося к гругам на выручку!

На несколько секунд все на трибунах затихло, ожидая начала поединка. Рабинович сквозь узкие прорезы шлема с трудом, но различал перед собой соперника и смог нацелить на него импровизированное копье. Жена сэра Бедивера грациозно уронила с центральной три-

буны прямо в грязь ристалища носовой платок, в который только что сморкалась, и битва началась!

Собственно говоря, Сеня сразу этого и не понял. Он услышал оглушительный рев труб, грохот барабанов и крики с трибун. Пытаясь разобраться в том, что происходит, Рабинович завертел головой и не заметил, как Грифлет прищипорил своего коня. Неизвестно, чем бы кончился поединок, если бы в этот момент Попов не шлепнул кобылу Рабиновича по крупу.

– Пошла, скотина! – заорал Андрюша, и лошадь больше подгонять не потребовалось. Она с такой скоростью взяла старт, что ее не остановил бы и локомотив, выехавший на встречную полосу!

Едва не поломав шейные позвонки, Сеня сумел все же развернуть голову в сторону надвигающегося, словно паровой каток, Грифлета. Всадники встретились почти в центре ристалища. Сенина кляча выиграла в этом забеге больше трех метров. Хотя и стартовала с опозданием. От прямого удара копыта Грифлета Рабиновича спасло только то, что из-за бешеной скорости кобылы он не смог удержаться в седле и начал сползать на бок.

И все же наконечник копыта по касательной задел нагрудник Сени и выбросил Рабиновича из седла. Так что самостоятельно падать с лошади, согласно инструкциям Жомова, Сене не пришлось. Грифлет любезно избавил его от этого!

Рыцарь сэра Бедивера на мгновение уверовал в свою победу. Но дальше произошло то, что впоследствии Грифлет никак не мог объяснить! Самостийное копыто Рабиновича, выпущенное «сарацином» из рук, упало сверху на шлем доблестного рыцаря. В его глазах тут же вспыхнули стоп-сигналы, и снова сфокусировать зрение Грифлет смог, только уже оказавшись по самые уши в грязи. Удар такой силы несчастный еще не получал ни разу в жизни! После поединка он четыре дня благодарил бога, что Рабинович попал по нему только вскользь.

Того, что поверженными окажутся оба бойца, на стадионе не ожидал никто. Над ристалищем пронесся тяжкий вздох, а потом наступила тишина. Сенешали недоумевающе переглядывались друг с другом и косились на Бедивера. Однако поединок не остановили, поскольку ничейный исход правилами не предусматривался. Оставалось только ждать, кто сможет первым подняться. Обвиняемый или его противник?

Грифлет оказался проворнее. Хотя что ему? Он мужик привычный! Падать с лошади спиной назад рыцарю уже приходилось. А вот Сене это было впервой. Несколько секунд Рабинович считал синичек, завертевшихся перед ним после удара, и Грифлету этого хватило, чтобы встать на ноги.

Рыцарь уже занес меч над неподвижным «сарацином» и хотел из уважения к сопернику предложить ему сдаться, но подлый Сеня неожиданно быстро отцепил в положении лежа дубинку от пояса и саданул ею прямо по закованной в броню коленной чашечке Грифлета. Нужно ли уточнять, на сколько метров отбросило бедного рыцаря?..

Пока Грифлет приходил в себя, Сеня умудрился встать на ноги. Он подошел к ошарашенному рыцарю вплотную и стукнул его «демократизатором» по голове. Естественно, что Грифлет с подобными ментовскими замашками знаком не был, поэтому просто с тихим бульканьем погрузился по самый кончик шлема в жидкую грязь. Сеня некоторое время пытался дубинкой нащупать в тине своего соперника, но затем плюнул и отошел в сторону. Бой был закончен!

Оруженосцы Грифлета граблями выудили его на поверхность и поставили на ноги. Контуженный рыцарь долго тряс головой, а затем позволил снять с себя шлем. Качающейся походкой он подошел к Рабиновичу и в абсолютной тишине, наступившей на трибунах, произнес:

– Сэр, даже Ланселот Озерный не сравнится с вами по доблести и силе. Я полностью признаю свое поражение и прошу вас принять от меня клятву верности! – И Грифлет опустился в грязь на одно колено.

– Какую клятву, жалкий поедатель тараканов! – заорал Бедивер и вскочил со своего места. – Убей его сейчас же, предатель.

– Никак невозможно, сэр, – покачал головой Грифлет. – Этот рыцарь победил меня в честном бою и, согласно законам ристалища, имеет полное право распоряжаться моей жизнью и имуществом. К тому же Высший суд, что вершился здесь, целиком оправдал его, сняв ваши обвинения. И теперь, сэр Бедивер, вы кое-что должны сему доблестному воину!..

После этих слов Грифлет снова свалился в грязь. Рабинович попытался поднять его, но нагрудник перевесил, и Сеня улегся рядом. Выбраться из глины ему помог Жомов, подбежавший к центральной трибуне.

– Че, туго въезжаешь? – поинтересовался Иван у Бедивера. – Гони бабки, козел, а то сейчас рыло набок сворочу!..

Бедивер от такого нахальства застыл с открытым ртом. После слов Жомова по трибунам пронеслась новая волна ропота, а затем наступила тишина. Все ждали, что ответит Бедивер на такую непонятную фразу. Смысл ее ускользнул от аборигенов, но ясно было всем, что Жомов произнес некую «сарацинскую» формулу вызова на поединок.

– Сэр, я думаю, что вы также имеете право на сатисфакцию! – после некоторого раздумья произнес один из сенешалей. – Вам приготовить доспехи?

– Нет. Меня ждут государственные дела, – недовольно проворчал Бедивер. – Я прощаю сему чужестранцу его неразумные слова и, как полагается, плачу этим воинам компенсацию моральных убытков. Оповестите их, что в течение двадцати четырех часов они должны покинуть мой город. Иначе я имею полное право арестовать их как бродяг и мошенников!

Бедивер бросил сенешалю мешочек с деньгами и, величественно развернувшись, скрылся в глубине трибуны. Сразу после этого зрители начали расходиться по домам. Большинство из них поливали грязью и без того перемазанного Грифлета. Они никак не могли простить ему того, что потеряли свои деньги. Лишь единицы, поставившие на Рабиновича, радостно смеялись и подсчитывали барыши.

– А какого хрена этот козел командует теперь? – недовольно поинтересовался у Сени Жомов. – Чего это мы должны из города уходить? Пусть сам сваливает, если наше общество его не устраивает!

В этот момент к ним повернулась жена Бедивера, довольно неопрятная дамочка, лет пятидесяти на вид. Она уходила с трибуны последней. Бросив Рабиновичу еще один не совсем гигиеничный платок, женщина перегнулась через перила и произнесла низким голосом, похожим на гул топки в котельной:

– Я буду ждать вас сегодня ночью у себя в покоях, доблестный рыцарь! Не разочаруйте меня...

– Та-ак! Ваня, нам действительно нужно исчезнуть из города в двадцать четыре часа, – торопливо произнес Рабинович, стараясь натянуть обратно на голову рыцарский шлем.

– А че ты, Сеня, теряешься? – хмыкнув, поинтересовался Жомов. – Она баба ничего. Глаза закроешь, и сойдет за свеженькую!

Рабинович непременно бы огрел друга дубинкой, если бы смог быстро поднять руку. Но металлические нагрудники помешали осуществить эти коварные намерения, и Жомов отделался легким испугом. Отобрав у Сени «демократизатор» – для общего спокойствия, – он повел его переодеваться после ратных трудов...

В кабаке, что приютился на самом выезде из Бенбери, собралась довольно большая толпа пьяных аборигенов. Саксы перемешались с бриттами, юты с норманнами, и все обсуждали утренний поединок. По большей части все разговоры сводились к одной фразе: «За державу обидно»! И после нее кружки осушались и наполнялись вновь.

Когда трое друзей в сопровождении сакса Кауты и бриттского рыцаря Грифлета со своим оруженосцем ввалились в этот кабак, разговоры мгновенно стихли. На рыцаря косились, но высказывать претензии по поводу проигранных денег не решались. А когда до остатков рас-

судка пьяных аборигенов дошло, что новые посетители пришли сюда надолго, то большинство из гуляк потянулось к выходу.

– Что же вы мне посетителей пугаете? – запричитал кабатчик, с опаской подходя к столу, занятому друзьями. – Все дело рушите...

– А в рыло? – полюбопытствовал Каута, за что получил по спине полный одобрения хлопок от Жомова. – Выпить неси!

Сеня великодушно выложил на стол из заметно потяжелевших после выигрыша на тотализаторе карманов несколько мелких серебряных монет. Чуть подумав, половину он забрал обратно, пояснив остальным, что «этой продажной морде будет вполне достаточно такой суммы за дерьмовую выпивку»!

Впрочем, одной выпивкой Рабинович не отделался. Изголодавшийся на арестантских харчах, Попов потребовал обслуживания по полному разряду. Увидев количество поглощаемых Андрюшей и Жомовым блюд, кабатчик несколько повеселел, а Рабинович начал довольно ворчать.

– И куда в вас столько влезает? – горестно вздыхал он. – Могли бы и не жрать так много. Нам, между прочим, нового приработка не светит...

– Да пошел ты со своим приработком к кузькиной матери! – огрызнулся на него Иван. – Сам не ешь, так людям не мешай.

Каута и оруженосец Грифлета сидели несколько поодаль от остальных. Отсутствием аппетита ни один, ни другой не страдали. И Рабиновичу пришлось напрячься, чтобы заплатить кабатчику меньше, чем тот надеялся получить. Впрочем, сам Сеня от остальных по части поглощения пищи тоже не отставал. Почти не ел один только Грифлет. Он сидел, низко опустив голову и кидая Мурзику под стол большие куски мяса. Единственный нормальный человек во всей компании! Понимает, что псы иногда тоже есть хотят.

– Гриф, ты че пригорюнился? – попытался растормошить рыцаря Жомов. – Кончай бычиться. С нами не пропадешь!

– Ничуть не сомневаюсь в вашей доблести, благородные сэры, – шмыгнув носом, проговорил Грифлет. – Однако что за радость может быть у рыцаря, потерпевшего столь сокрушительное поражение на своем поле? Пусть даже от такого великого воина, как сэр Робин...

– Ну, мне просто повезло, – скромно потупил глаза Рабинович и попытался перевести разговор на другую тему. – Скажи, сэр Грифлет, где нам найти Мерлина?

– Боюсь, это будет очень трудно, – с сомнением в голосе ответил рыцарь и удивленно посмотрел на друзей. – А зачем вам маг и советник короля Артура?

– Фитили этому лоху во все отверстия насуем и в керосине искупаем! – пробормотал с набитым ртом Попов.

Испугавшись дальнейших словоизлияний Андрюши, Рабинович поспешил вставить ему между зубов солидный кусок мяса. Дальнейшие размышления эксперта о возможной судьбе Мерлина разобрать уже было невозможно. И Сеня с облегченным вздохом повернулся к недоумевающему Грифлету. Знал бы он, что такое фитили в керосине!..

– Этот благородный... – Рабинович с сомнением посмотрел на Попова, – ...сэр хотел сказать, что у нас есть очень важное поручение к волшебнику. Так почему его трудно найти?

– Не так давно Мерлин появился в Камелоте в очень странном виде, – начал свой рассказ рыцарь. – В дырявом балахоне и с таким выражением на лице, что даже король Артур с трудом отличил его от уличного побирушки. А сэр Ланселот и вовсе хотел вышвырнуть прочь из замка...

Когда мага удалось наконец отпоить местным аналогом валерьянки, он смог довольно внятно изъясняться. «Внятно» в данном случае означает лишь то, что отдельные слова можно было разобрать. Но когда рыцари Круглого стола попытались сложить из них предложения, то эффект получился точно такой же, как от «глюка» на «Пентиуме» китайской сборки.

Поначалу все решили, что великий маг и волшебник попросту перебрал с употреблением «ханки». Но король Артур объяснил окружающим, что на Мерлина нашло божественное откровение. Он приказал оставить старика в покое до утра и всем идти отдыхать. Рыцари поняли такой приказ по-своему и до утра праздновали в кабаках чудесное возвращение Мерлина. Причем за казенный счет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.